

Николай Трубин

Душа не стремись к вечной
жизни, но постарайся исчер-
пать всё то, что возможно

Пиндар «Тифийские песни»

Осколки прошедших дней

- Сонет
- Осколки прошедших дней
- Сказки
- Семь Я

Автор этих сочинений - Графоман. Это обидное для любого бесталанного сочинителя слово выбрано им только с той целью, чтобы оградить себя от злых критиков. Ведь глупо было бы повторять то, что и так человек знает. Эта книга, назовем её так, ни для кого. Литературный гурман, прочитав несколько строк, поморщится из-за отсутствия чарующих его оборотов, философ ужаснется безграмотностью автора, семьянин - скажет: «Не о том, не о том», иной просто плюнет от досады... Дорогой читатель, согласен, согласен! Но в этом действе есть некое рациональное зерно - в книге автор попытался представить свой Мир, который он «построил» исключительно для себя. А ведь каждая «животина» вне зависимости от таланта в течение своей жизни свой мир строит! Оправдывая себя таким образом автор не настаивает эту книгу читать - посмотри, друг, картинки, и вздохни печально. Ах!...

Поэтическая форма, состоящая из 14 строк, обычно образующих в классической форме два четверостишия (катрена) и два трёхстишия (терцета), причем первый катрен содержит тезу, - второй - антитезу, а два терцета содержат их синтез, снимающих противоречие.

Сонет

* * *

Танюше

Ты так чиста, и так прекрасна
Как осени багряный лик.
Моя ж душа одно ненастье
И боль сомнений каждый миг.

Твой голос ласковый и нежный
Спокойно дарит мир всему.
Мой тон – навязчивый, небрежный
Несет раздора черноту.

Как осенью царит согласие –
Союз меж солнцем и дождем.
Так и порок мой в одночасье
С твоей звездой соединен!

Такие странные черты
в плену сердечном славить ты!

* * *

«Скажи, зачем без цели бродишь»
И все пройти стремишься ты,
Ты время попусту изводишь:
Так не достигнуть высоты...

Быть может, смысл ты в этом ищешь
В плену бесплотной красоты,
А это просто ветер свищет,
Так не достигнуть высоты...

Ты прав, старик, я сам не знаю
Зачем по свету я брожу,
И в красоте залог успеха
В своей судьбе не нахожу.

И все ж одна есть высота –
Земная, неземная красота!

* * *

Ориент

Разодрано плечо и пот струится градом
Несешься ты по лесу, что есть сил,
Скажи, какая в том отрада,
Когда весь мир красив и мил.

Взгляни вокруг, лесные рдеют сени,
Багряным светом залиты кусты,
А ты бежишь, не зная лени -
Так не заметишь красоты.

Ты прав, стремителен мой бег
Бросаю взгляд на все привязки,
Ведь в этом есть залог побед...
И пролетают мимо краски!

И все ж, нет выше красоты,
Когда невидимая цель мелькнет
сквозь рыжие листья.

* * *

Ольге

Чудесен облик зимних гор
Когда на солнце снег искрится,
Когда немолчный птичий хор
С шумливой речкой веселится.

Унылы горы и тихи,
Когда в промозглый, серый день
Снег чертит белые штрихи
И создает печали тень.

Мы славим каждый божий день,
Но все ж прекраснее когда
Стоит веселая пора.

Вот и теперь:
В тебя мы влюблены –
Ведь ты прекраснее луны.

* * *

Т.Г.

И ждет меня холодная постель
Плеча твои ланиты не коснутся,
Опять мне снится странный сон
Как от него теперь проснуться?

В нем горы снежны и круты,
Вода прозрачна, воздух чистый,
В них вижу милые черты
И лик души твоей лучистой.

Мой сон, и явь, и эти горы -
Все вдруг в единое слилось,
В твой образ ясно собралось.

Тебя забыть я не смогу,
Все в мире ты,
А я с ума сойду.

* * *

Гоше

И ждет меня холодная постель...
Зачем опять идем мы в горы?
Опять тропить лыжню весь день,
Опять морозны утром сборы.

И все ж, прекрасен горный лик,
Сияет солнце, лед искрится,
И сердце рвется из груди,
Когда вершина покорится.

Прекрасна жизнь и мудры горы,
Пойдем в поход еще не раз,
К чему о смысле разговоры,
Когда не видел тех прикрас.

В чем жизни смысл, - да в красоте,
Когда в борьбе ее достигнешь...

* * *

Витюховской

Все поделить легко на минус и на плюс,
И каждый в схватке двух миров не лишней,
Сердца тщетой наполнив без искуса,
За всем легко следит Всевышний.

И все ж... когда чарующие звуки
Бетховенского ларго устремляют ввысь,
Когда врача всевидящие руки
Слепляют нечто в целое одно...

Все оживает. Тот, кто свыше
Вновь правит миром,
В искусстве дав нам вдохновение.

Великий боже! В простоте душевной
От истины не дай нам умереть,
И дай залог на жизни продолженье...

* * *

Березневу

Скажи зачем есть кольца на Сатурне
И в мироздании звезд не счесть,
Когда продукты дорожают,
А индивидуум хочет есть?

«Зачем от гор и мимо» пашен
Нестись с огромною сумой,
Когда стук сердца сильно страшен
А ноги просятся домой?

Все так: опять душа пленила тело,
И нужно только лишь умело
Их меж собою примерить.

Но слово странное зачем,
дает возможности не всем
Те половинки совместить.

* * *

Полит

Восьмой десяток правит день Победы-
Великий праздник без прикрас!
Святыми стали прадеды и деды,
В дни лихолетья заслонили нас.

Но возродился демос новый,
Представив мерзость на показ,
Смесив в бессилье правду с ложью,
В пучину войн бросает нас.

Что ж, мы спокойны, мы привычны
И на иных нет злобы в нас -
Ведь нам присуще всепрощенье.

Лишь память сохранив, о тех святых
Уже безмолвных, но великих,
Найдем рецепт на жизни продолженье.

* * *

«Проходит жизнь, ...и все проходит»
Не устает твердить молва,
А мы готовы повторить слова,
Себя лишь только успокоить.

Прощай любовь, и барбарис
В саду уже безмолвно рдеет.
И душу снегопад не греет.
Июньский дождь совсем раскис.

О, Бог. Зачем несправедливый
Ты мир создал -
Еще вчера я был счастливый!

Но тщетно ищем правоты,
Когда душа заледенеет,
А дождь смывает все следы.

* * *

Ты - шар. Огромный, светлый и лучистый!
В нем музыка струится дивным водопадом,
В нем лунная дорога вдоль реки,
Ведет меня в долины глубины.

Но в серый день рассыплется на части,
И музыка застынет в тишине,
И свет луны несет ненастье,
И оттого так грустно мне.

Как этот шар мне сохранить,
Как этот мир во мне оставить,
Миг разрушенья прекратить.

Но тщетно. Что разрушено, не склеить,
Лишь только можно воссоздать
То, что другим дано измерить.

* * *

Саньке

О, горный дух, кого ты в плен захватишь,
Кто в том плену все жилы рвет,
И в одержимости заплачет,
что до вершины не дойдет...

Кто в острие хребта назначил
Легко и страшно знак судьбы,
И неожиданно растратил
Все то, что значило мечты.

Махнул рукою на прощанье,
он в вечность канул так легко,
Как будто нет здесь расставанья -
Ушел куда? - Недалеко.

Пусть будет легким наш уход,
он одержимости итог.

* * *

Кате

Всевышний - суть всего на свете,
Творит он бури и земной покой...
Он в детском смехе, в тихой песне,
В небесной дымке утром над водой.

Но выше всех священный дар любви -
Он счастье, свет, богатство мира,
Он смысл, бессмертна лира,
Он космос, - нет ему цены!

Быть может, ты забыл об этом, милый,
а может и не думал никогда!
Ты оглянись, узри счастливых,
Ведь если нет любви, - ты не богат.

Люби, влюбляйся, будь любимым,
Вот истина тебе, я повторю стократ!

* * *

Тебя люблю, за то и ненавижу,
Чтоб не любить, где силы взять!
Лишь только наяву увижу,
Весь мир разрушен вмиг опять.

Где взять слова, чтоб холодно и ясно
Я мог найти страданий суть.
Где мне найти тот мир бесстрастный,
Чтобы спасение найти.

Но тщетно бьется кровь в висках,
И разум мне диктует суть.
Могу проклясть тебя стократ,
Но я опять не мог заснуть.

Куда не предстоит пойти,
мне от тебя спасенья не найти.

* * *

Мы будем счастливы, когда наступит осень,
Река подарит нам прозрачный хлад
Соткет ковер из желтых листьев ветер
И шум листвы нам будет вторить в лад.

Не нужен нам апрельский полдень,
Капли звон не для унылых глаз,
И сердце ровно в такт забьется,
Когда вдали увижу вас.

Мы будем счастливы, когда наступит осень,
Когда весь груз страданий мы отбросим,
и бремя радости нас тоже обойдет.

Представим мир в прекрасном свете
Мы вспомним тех, о ком в ответе
И боль сомнений отойдет.

* * *

Воспоминаньям нет конца,
Они идут нестройной чередой,
Их надо бы назвать бедой,
Не будь заданием творца.

Разлука - нет ее больней,
Она течет, безумствует, троится,
Она как - будто веселится.
И не настанет, хоть убей.

Воспоминания и разлука -
Вот спутники минувших дней
И беспощадна их наука.

А мы надеждою полны -
Она сияние Луны,
И свет ее напрасно ловят руки.

* * *

Мишке

Седому старцу трудно пожелать
Улётной юности благие наставленья.
И безрассудство творческого рвенья -
Ему тем боле не понять.

Здоровья - рано слёзы лить,
Ума - обидеть невпопад,
Удачи - что ж, её поймать,
И случай в пользу ей принять.

О юность, как ты хороша!
Твой опыт так не замутнён,
И круг забот не вразумлён.

Еще лишь рвется пожелать,
И не предать, и не солгать,
И выше всех возглавить мать.

* * *

Егоров

Где осень огненный парик,
Срывает ливневыми лапами,
Где оборванцы - фонари
Шеренгою идут заляпанной.

Бреду. Весь мир мне кажется чредою
Воспоминаний, грусти, боли,
Жестоккой полно все бедою -
Другой мне нет на свете доли.

Где в тротуарах – зеркалах,
Твой образ отразится милый,
Где холод тех любимых глаз,
Чтоб сердце хоть на миг остыло.

Но тщетно ищет взгляд печальный,
Что лишь в мечтах живет уныло

* * *

Опять явился звездный Орион,
Зовет тебя к заснеженным вершинам,
Найти приют скупой в долинах,
Вняв тишине, услышать звон.

Ну что с того: настал уж вечер,
Злопамятное время чертит круг,
Но так надежный дорог друг,
И не дает уснуть восточный ветер.

Он принесет дыханье гор:
Суровых, ярких, многоцветных,
И вдохновит на путь заветный.

Пусть будет радостным тот путь,
Его несчастье не догонит,
И вниз обыденность не склонит.

* * *

Данской

Казалось дом был беден и убог.
Три путника спустились долу,
Неведому поддавшись зову,
В тот дом ступили на порог.

В нем тишина звенела неземная,
Во всем вселенский был покой,
И время медленно текло рекой...
А путники потупились, не зная

Как в мир явившийся поверить,
Как глубину его проверить,
И как купить в нем благодати.

Но будто молвил кто-то сверх всего,
Что все под сводом признается,
Но благодать не продается!

* * *

В терзаниях блудного отца
Какая-то осенняя морока,
Где мысли мечутся без прока -
Им нет желанного конца.

Своих детей по пальцам вычитая
Замкнув в кулак свою обиду,
В сомненьях не подав и виду -
Он к справедливости взывает.

А там, плоды его растраты,
Далекого царя не избежав наград,
Кто добр, а кто разлуке рад.

Когда вернется он,
К каким истокам созиданья, -
Нет: вычитанье зиждет расставанье.

* * *

Ты суть всего! Ты всех вещей причина
В пространстве бесконечных благ.
В простом Пути Ты каждый шаг,
И в ликах всех всегда единый.

Ты есть закон. А дух свободы
Его действительность спешит проверить
И к выгоде мирской примерить, -
Неотвратим и жесток Твой ответ.

Я человек. В тебя я верю... и не верю,
Так ненавязчив Твой посыл,
Так сложен Твой понятный мир.

Лишь только явью станет дар любви,
Иль муки совести, иль радость созиданья -
Тебя я вижу... увижу ль смысла очертанья.

* * *

Мы тщим понять создания иные,
Где разума железная пята
Тасует смыслы без конца,
Искусством это именуя.

И забываем свое Я,
Увидев Вечность во мгновеньи,
Где Боже ведает твореньем,
Открыв неведомы края.

О, зримый прагматичный мир!
В какие дебри заведет нас смысл,
Сменив души мятущей откровенье
На беспристрастное уменье.

А мне опять не повезло -
Меня вело куда-то ремесло.

* * *

Твоя мечта, что гаснущий костер
Чуть чуть слепит... и уж не греет
А мгла ночная нудно сеет,
уносит смыслы прежних пор.

С неумолимостью распада
Невольнo мнится яркий день,
Который впрок отбросил тень
На грань грядущего разлада.

От той мечты остался лишь упрек,
А наважденье прошлого, в свой срок,
вдруг шуткой станет...

Но легкий нежный ветерок
Пустое сердце всколыхнет
И будет дуть - не перестанет.

* * *

Сознание давит нам обыденности гнет,
Ее посыл и суетный и лживый,
Исчезли лики и живые силы,
Потеря смысла - вот ее итог.

За ней сияет Вечный мир:
В нем муки творчества сменяет озаренье,
Парит любовь и царствует мгновенье,
Бурлит, клоочет жизни пир.

Во тьме идущий думает о свете,
Он ловит в нем частицы сути...
И как сбежать от серости и муты.

Отбрось обыденность мой друг,
Все что возможно, исчерпай,
И власть унынью не давай.

* * *

В ней звука поднебесный свод,
И мудрость странствующих вод,
И радость бесконечных трелей,
В них страх пред Вечностью живет.

То музыка. Она, как вещей смысл всего -
Сложна, проста, необъяснима,
Она как - будто бы ранима,
Восторг души с печалью от нее.

Она и боль, и радость, и страданье...
Лишь только б не было желанья
Ее в мирскую суть принизить.

Кто в вышине смычком проводит,
И в бесконечность нас уводит,
К себе опасно так приблизив?

* * *

Застыла в горной рани высота,
И холодом искрится жесткий лед,
И солнце над вершинами встает,
И север прочь уносит облака.

Но чуть спустя пробудит день тепло,
Ручьи послушно зазвонят криливо,
Наполнят душу праздником и силой,
И талым снегом с запахом весны.

А мы идем сквозь холод и тепло,
Чтобы судьбу свою проверить,
В ее провиденье поверить.

Нет в мире места лучше гор,
Но чтоб назад нам всем вернуться,
Успей от камня увернуться.

* * *

Илариевне

Вначале сумрачен был день...
Вдруг луч бежит, ваяет, строит,
Он в унисон всем ритмам вторит,
И гонит прочь сомнений тень.

Вокруг же правит тусклый свет
построив мир во всем похожий...
Так на беду стрельнет прохожий,
Смекнув привычно: да иль нет.

Нет, не ослабнет дивный луч,
Взывая к творческим раздорам,
Раздвинет мысли путь в просторы...

А мы твердим себе в упрек:
В плену придуманных задач
Наш свет не хладен, не горяч.

* * *

Почти сонет

Твое письмо я получил,
Оно так долго все не шло
И сквозь конверт я ощутил
Твое тепло.

Скорей листок твой развернуть
И посмотреть, что мне дано,
И чтобы сразу все вдохнуть
Твое тепло.

Но ровно строчки пролегли
Про мир, про холод, про тепло,
И все как-будто утекло
Твое тепло.

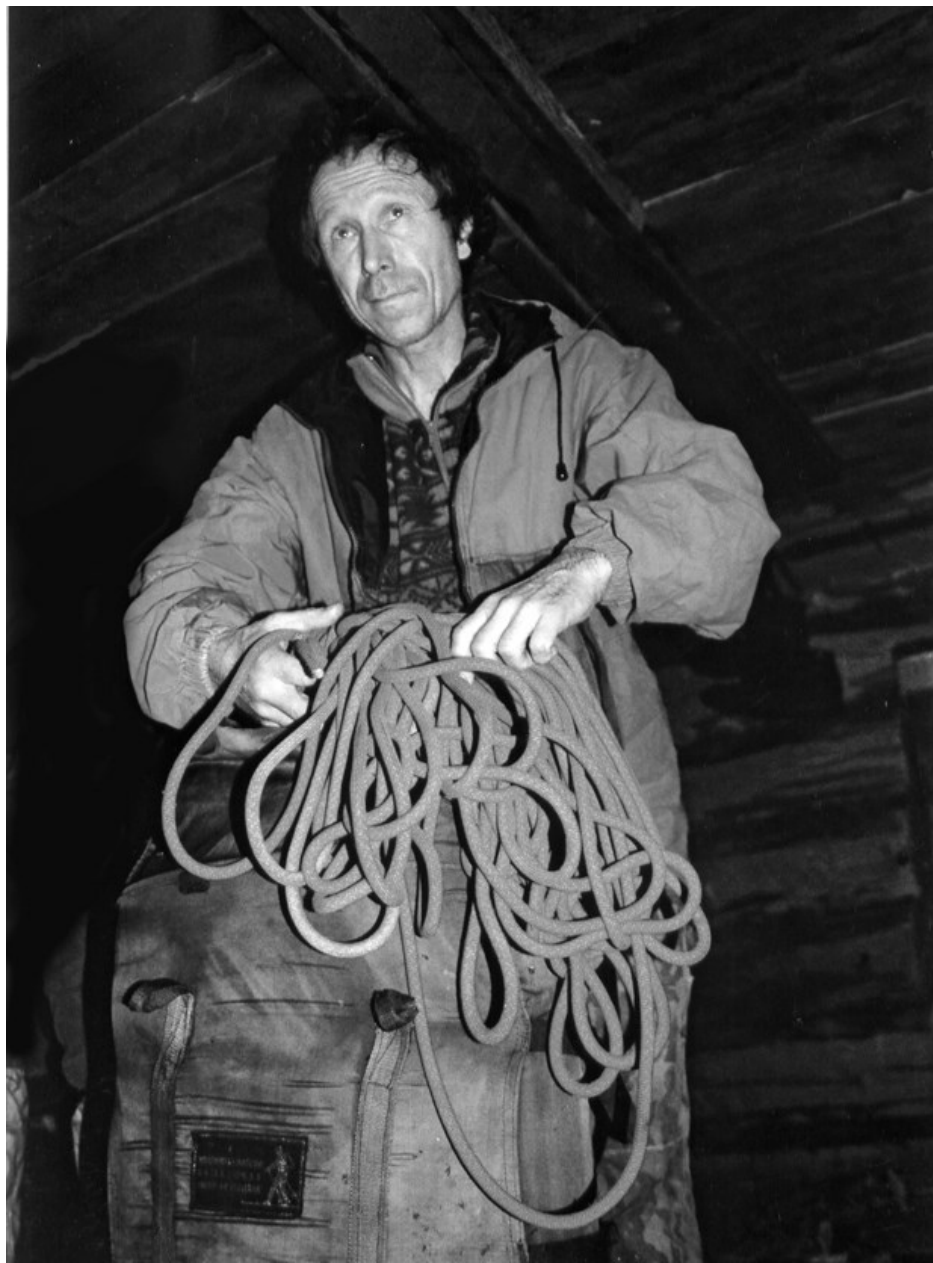
Я не решусь конверт раскрыть,
Когда опять придет письмо,
Чтоб навсегда в нем сохранить
Твое тепло.

В горах Алтая

Дикий край

Санька

Стих

Стандартный ракурс. Усьвинские столбы

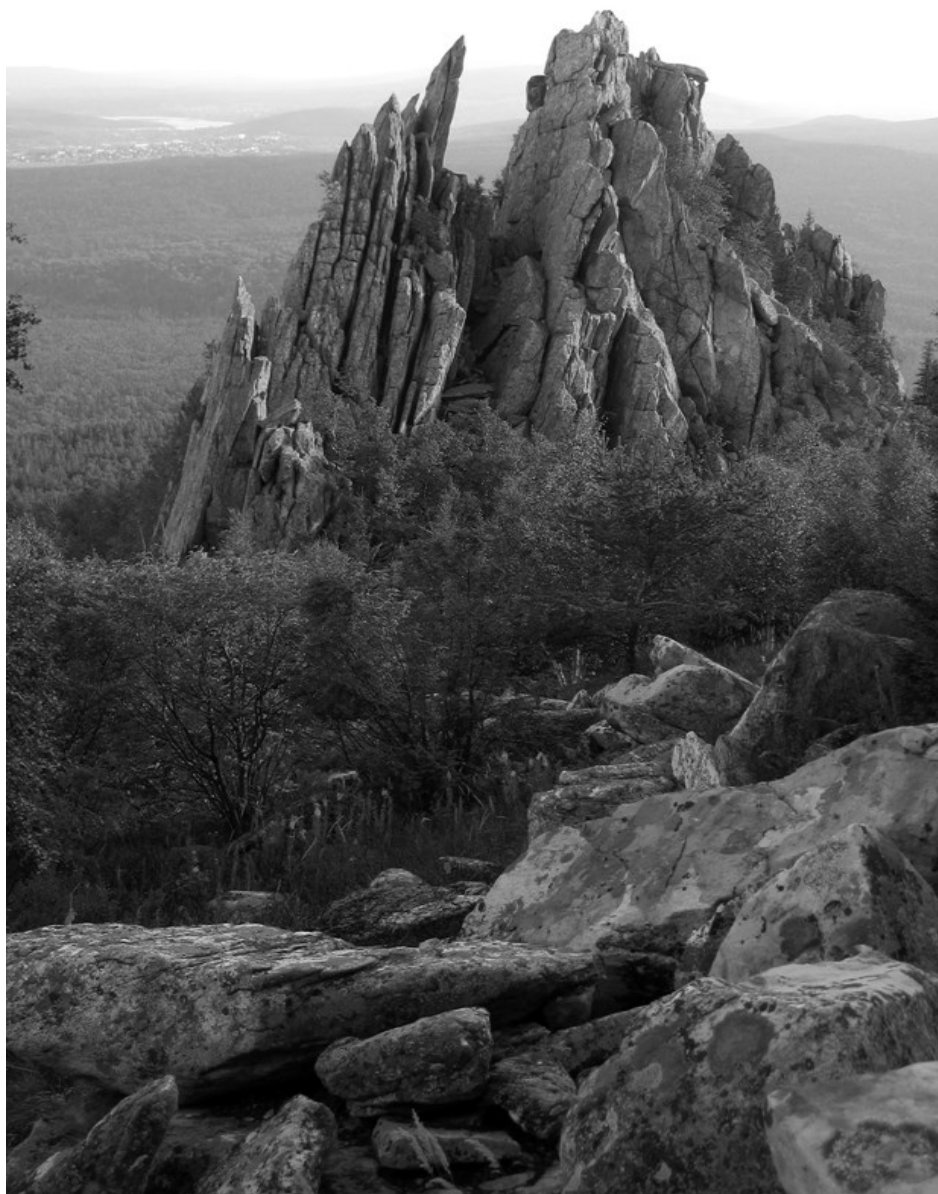
Суровый КитоЙ

Ритмы Алтая

Лучик

Таганай. Скалодром

Теплая зима

Перевал!

Надежда

Путь к храму

Вечный диалог

Отблеск Луны в реке

В царстве света, на краю...

Снегопад

Портрет неизвестной

Осколки прошедших лет— название частично заимствование из пронзительного стиха Рильке, которое как никакое отражает удел страдающего поэта. Память прошлого тоже терзания. Особенно для старика, пытающегося совместить ее осколки в единое логическое целое. Но трудно совместить тот хаос праведных и неправедных поступков, когда ты был: подл, радостен, правдив, лжив, беззащитен, храбр и где-то ты оправдываешь себя, где-то, как не уговаривай, невозможно простить.

И часто дни бывали таковы.
Как будто некто слепок головы
моей пронзал стальной иглой зловеще.
Я чувствовал азарт его жестокий,
как будто на меня лились потоки
дождя, в котором искажались вещи.
Р. Рильке «Осколки потерянных дней»

И кто под тяжестью прикрытых век
не ощутит игры вечерних бликов,
и ропота ночных глубинных рек,
и в нем самом рождающихся ликов, —
тот конченный, тот старый человек.
Р. Рильке «Уж рдеет барбарис»

Осколки прошедших дней

Поиск сути

Каждый человек позиционирует себя, свое место в мироздании и пытается представить, сконструировать в своем воображении, его устройство. Вот и я, решился на это безнадежное дело. Сразу же представляешь, что этот самый мир, в котором существуешь, нелогичен. Ведь очевидно, что наиболее рациональное состояние его - это находиться в постоянном равновесии, в минимуме энергии, лучше всего в некой точке, ну, т.е. ему «выгодно», когда он, мир, не существует. И тогда мысль продляется на осмысление источника существования, его начала, его конца. В конце концов, возникает вопрос вопросов: Зачем? - этому слову невольно придается сакральный смысл, зачем, когда самым оптимальным состоянием мира является его отсутствие, по крайней мере, в его энергетическом аспекте, он, этот мир существует, в такой безграничной благодати, в такой безграничной полноте, в такой безграничной противоречивости. Как так: мир подчиняется огромному количеству открытых и неоткрытых законов, а отсутствует закон их объединяющий!

Многих такие вопросы не волнуют. Концепция устройства мира для них максимально проста и логична: нет начала и конца, мир материален, бесконечен и не имеет никакой цели, жизнь поддерживается биологическими процессами, а так называемые духовные качества человека происходят из необходимости «мирного сосуществования». Концепция эта очень даже жизнеспособна. Согласно ей, чтобы успешно жить, нужно изучить законы развития материаль-

ного мира, и применять их для того, чтобы обеспечить свою жизнедеятельность.

Но непонятные, подчас ужасающие явления природы, издревле наводили на мысль о наличии некоего Вседержителя, создавшего и регулирующего эти самые законы. Образ его формировался последовательно - от жестокого, наказывающего за малейшие проступки, до любящего и спасающего. Человек стал по своему образу и подобию, в соответствии с условиями окружающего мира конструировать концепцию этой силы. Постепенно появились слова, которыми он оценивал ее существование: Бог, трансцендентное, онтологическое, философия, религия и пр. Представления в этом контексте, с веками усложнялись: от демонических сил, от которых зависит жизнь, урожай, удача; до личностного восприятия божества, выполняющего определенные функции управления; до сложившейся для определенных категорий людей религий, впервые устанавливающих нравственные ценности и требования; до абстрактного представления.

Наряду с этим, всегда существовал научный или псевдонаучный подход к интерпретации конструкции мироздания. Представляя в своих философиях наличие некоей запредельной сущности, мыслители искали ответы на извечные вопросы: начало, конец, зачем. Многие из них представляли «убедительные» доказательства существования Создателя, Всевышнего, Бога. Среди них выделяются Декарт, Фома Аквинский, Кант. Но логический анализ показал ущербность этого - доказать или опровергнуть наличие Бога нельзя. Ущербность этих доказательств заключалась в том, что они строились исходя из бытийного опыта, т.е. исходя из конечного представления

мира, а не бесконечного, когда возможно посмотреть на свой мир «со стороны».

Попытка представить Бога в бесконечности сделана Бенедиктом Спинозой. Бог Спинозы не является личностным существом. Он представляет всё существующее, т.е. Бога в виде единственной в мире субстанции, которая состоит из бесконечного числа протяженных и мыслимых атрибутов, бесконечных в пространстве и вечных во времени, существующая сама по себе. Любая часть ее (конкретный человек, цветок, камень) является ограниченной частью этой бесконечной субстанции, её модификацией, её модусом, её проявлением. Добро и зло Спиноза интерпретирует степенью порчи этих частей. Смысл жизни возвыситься до адекватного понимания вещей в их «божественной необходимости», приводящей к высшей добродетели, к «интеллектуальной любви к Богу».

Также интересны представления о мире Кастанеды в виде пространства некой «силы», которая управляет всеми процессами в мире. Человек может выгодно использовать эту «силу», не вдаваясь в подробности ее существования, а в некоторых случаях даже управляя ей.

Так или иначе, даже у ортодоксально настроенных ученых возникают сомнения в только материальном устройстве мира. Эти сомнения они определяют несколько глуповатой фразой: «Конечно, что-то есть». Они возникают, чаще всего, когда простыми физическими моделями ну никак нельзя объяснить некоторые явления природы. В свое время, некий профессор Китайгородский в язвительной манере проанализировал все механизмы, которые могли бы объяснить передачу мысли и так же язвительно отказал миру в этом. Но каждый из нас, наверное, обнаруживал одновременно возникшую мысль у двух или нескольких человек.

Очевидное возражение по этому поводу меня не убеждает! Далее, каким образом с большой точностью выполняются предсказания, например таких людей, как Ванга... да и уникальное видение некоторых экстрасенсов. Ведь они каким-то образом «заглядывают в будущее» И это видение даже знаменитая Бехтерева объяснить не могла. В то же время введение в обиход такого термина как «панпсихизм» все объясняет легко – мир наполнен сознанием точно так же, как и материей.

Любопытна работа известного астрофизика Хью Росса, кстати, соискателя Нобелевской премии. Она называлась прямо: «Астрономические доказательства существования библейского Бога». В ней приведены «неопровержимые факты», доказывающие, с точки зрения физики существование трансцендентного разума. Выводы получены исходя из уровня энтропии, констант ядерного и электромагнитного взаимодействия, соотношений содержания химических элементов во Вселенной и прочих. Росс делает вывод, что названные соотношения слишком точны в своих измерениях, любое незначительное отклонение от «заданной» нормы исключает существование жизни на Земле вообще. Название работы кажется нелепым. Сама идея притянуть Ветхий завет к устройству мира не согласовывается со временем его существования: ведь по Ветхому завету период времени от сотворения мира составляет около 9 тысячи лет, а время, которым оперируют астрофизики, составляет триллионы лет. Тем не менее, идея таких сопоставлений понятна.

А последние поиски «Бозона Хиггса» на андронном коллайдере, когда некоторые ученые прямо шутили в процессе эксперимента: «Подергаем за бороду дедушку Бога». Ведь если будет доказано, что Вселенная, находясь в точке,

не содержала материи, а только в результате взрыва, стала производить ее, то очевидно, что без первоначально заданной структуры, этот процесс не мог бы существовать. А вполне серьезное рассмотрение ими того, когда формировались законы природы: до или после взрыва. Да извинит меня читатель в сумбуре фантазии, но все таки...

Кроме того, в модели материального мира, а priori в природе существует бесконечное количество законов материального мира, которые никогда полностью не сможет раскрыть человек. И очевидно, что существует вместилище этих законов, - всех законов, и было бы странно предположить, даже искусственно, что это всё самое не является неким Абсолютом.

Но чаще всего человеку, как таковому, необходимо было сформулировать концепцию Бога, с точки зрения решения этических проблем общества. Это была обусловлено необходимостью создать высшие императивы, являющимися непреложными законами поведения масс. Их основа – это некая «божественная справедливость». А она, как раз, подчас поражает своей алогичностью: - трудяга, праведник, добряк преодолевает серию несчастий, а баловень, бандит, не привязанный ни к чему – счастливо проживает свою жизнь. Такие очевидные несправедливости, несоответствия моральным установкам, богословы называют «божественным промыслом».

Во всех случаях все образовавшиеся религии преследовали, прежде всего, главную цель – дать народу свод этических законов, продиктованных свыше и интерпретировать происходящие события с точки зрения выполнения этих законов. Причем в случае несовпадения объявить это «божьим промыслом». Эти нормы, в зависимости от их территориального базирования, разные, они отражают специ-

фику этих территорий. Так в суровых условиях крайнего севера они более мягкие, а в местностях, постоянно переходящих из рук в руки – более жесткие. В результате сформировались религии, соответствующие чаще всего территориальным предпосылкам.

Самые древние религии: буддизм, индуизм, даосизм, конфуцианство локализованы в горных местностях, с большим перенаселением. Очень грубо представляя - эти религии объединяет отсутствие личностного бога. Жизнь человека - это путь к нирване через множество перевоплощений. И чем праведнее ты себя ведешь, тем быстрее твой путь закончится в высшей отрешенности. Эти религии обвиняют в некоем эгоизме: ведь главное для каждого это самопознание себя, медитация. Вот почему в этих странах было так много отшельников.

Иудаизм – тоже древняя религия, базирующаяся на «Ветхом завете», в котором Иегова восклицает: «Народ мой возлюбленный». Это высказывание противопоставило остальной мир против иудеев – для защиты от этого преследования в иудаизме присутствуют жесткие этические нормы, четко сформулированные в десяти заповедях. Невыполнение этих заповедей заканчивалось прилюдным побитием камнями.

Сформированное на основе мессианства и его последующего самопожертвования Иисуса Христа христианство впоследствии также разделилось на множество течений.

Католицизм и его ветви также «привязаны» к территории. Это, чаще всего, компактные территориальные образования, где каждый человек «на виду». Вследствие этого, Бог в католицизме это «вещь в себе», сам человек отвечает

за те моральные установления, которые диктует католицизм. Эти установления предполагают неотвратимость наказания, поощрение за благочестие.

Православие, наиболее близкое по духу россиянину, ввиду огромных территорий предполагает, прежде всего «соборность». Обсуждение поступков обществом, подсматривание за неверными. И, конечно же, свободу действий каждого. Православие, как никакая религия, построена на любви к ближнему и возможности покаяния. Все мы помним песню-притчу о разбойнике Кудеяре.

Мусульманство, пришедшее из «Ветхого завета», как и христианство, окончательно оформилось в религию в VI веке. Территория проживания верующих мусульман – это в основном жаркие страны, крутой нрав жителей, большое количество войн. Из-за этого эта религия наиболее агрессивна, по сравнению с другими, хотя, конечно можно легко признать спорность этого утверждения.

Анализируя эти религии, устанавливающих этические нормы для отдельных сообществ людей, нужно снова подтвердить их территориальную принадлежность. На основе этих этических норм составлялись уже свои законы, действующие как для верующих, так и не для верующих. Впоследствии эти установления все более и более отдалялись от этих норм, исповедуя уже частные интересы, интересы богатых слоев, интересы победителей, чаще всего отринув эту самую «божественную справедливость».

Исходя из выше сказанного, можно сформулировать «рабочее определение», не претендующее, кстати, на свою исключительность: **«В отношении человека Бог есть все-сущий, определивший ненавязчиво, неотвратимо законы существования, в том числе ниспосланные им эти-**

ческие нормы в виде религий, соответствующих своей экологической нише».

Но так ли важно овеществленное доказательство существования Бога. Так ли важно объявлять себя сторонником веры или атеистом. Ведь сплошь и рядом можно привести примеры благочестивого поведения неверующего, и отвратительное, чаще всего, фарисейское, верующего. Вследствие этого, большой частью людей Бог отброшен за ненадобностью. Чего только стоит «Бог умер» Ф. Ницше. Сартр сказал: «У человека в душе дыра размером с Бога, и каждый заполняет её как может». И, конечно же, в этой тематике, «кто во что горазд».

И вот здесь возникает вопрос, стоит ли поддерживать идею Бога, если его существование нельзя доказать, если он находится за пределами житейского опыта. Признавая то, что «что-то такое есть», так поступает большинство неверующих. В философии появилось модное течение «экзистенциализм», которое фактически появилось на замену идее существования Бога, постулируя, тем не менее, «существование» (existentia) некой внутренней сущности человека, по которой он поступает.

Один из первых, кто детально рассмотрел словами своих героев отсутствие или существование Бога Ф. Достоевский. Все его романы пронизаны этой полемикой, но наиболее четко эта идея рассмотрена в «Братьях Карамазовых» и «Бесах». Появилась даже сакраментальная фраза оттуда: «Если Бога нет, то всё дозволено».

Эти проблемы рассмотрены русскими богословами Киреевским, Хомяковым, Вл. Соловьевым, Булгаковым, Флоренским. Страстно отстаивая веру, они искренне верили. Единственным доказательством существования Бога

они считали наличие «благости», которая нас окружает. Благость в виде лесной поляны, речки, улыбки ребенка, солнца, переливающегося в тенях и полутенях. Появилось понятие «божественный опыт», предусматривающий ощущение, взаимосвязь с трансцендентной сущностью, находящимся за пределами человеческого опыта.

Этот опыт неуловим, его практически нельзя описать. Тем не менее, заявление А. Шнитке, о том, что «ему помогают «оттуда», говорит о том, что эту связь видят многие, чаще всего творцы от искусства. Ведь ученые, для того чтобы сделать какое – либо открытие в материальном мире, чаще всего загоняют какую-либо идею, которая является основой открытия, в прокрустово ложе ограничений. Вспоминается лекция преподавателя Думкина, когда на «Методах матфизики», он исписал почти всю доску списком ограничений, при которых можно реализовать заданную математическую модель. Без ограничений эта задача не решалась, поскольку начинала бороться с бесконечностью. Приходит в голову, что только искусство, не требующее никаких ограничений, как раз тот портал, через который можно созерцать Бога. Тот же самый Ф. Ницше сказал: «Бог допустил большую оплошность, приблизив человека к себе через музыку»!

И это так. Лев Мышкин в диалоге с Парфеном Рогожиным восклицал: «Не о том они говорят, совсем не о том». И приводит улыбку новорожденного ребенка, которую заметила его мама. Вспоминается, как известный музыковед Казиник предложил отгадать, кто из известных исполнителей прелюдии Баха верует, а кто нет. Что удивительно, что он не стал спрашивать... - все было ясно, ясно!

Категорический императив Канта некоторые его толкователи интерпретирует так: «Человек должен поступать

так, как если бы он был Бог». Это, на первый взгляд, странное утверждение требует пояснения. Поступай, верующий ты, или не верующий тем этическим нормам, которые соответствуют твоим представлениям о Боге. Радуйся благодати мира, его красоте, его бесконечности, его конечной непознаваемости. Ведь когда человек приблизится к познанию всего мира, он, этот мир перестанет для него существовать. Так как исчезнет та загадка, которая делает нас «тварью дрожащей».

И, конечно же, для меня опорой является Православие, «с которым легче жить», открывающим всецело путь к духовной свободе! Что значит «легче жить»? Это значит, что становятся осмысленными такие слова, как совесть, творчество, любовь, порядочность и много, много других слов, которые нельзя объяснить с точки зрения прагматизма. Для многих неверующих эти слова также являются «руководством к действию», но понимание их сакрального смысла, а это значит видение в них Бога, поднимает их значение до невообразимой высоты.

*Лишь только явью станет дар любви,
Иль муки совести, иль радость созиданья -
Тебя я вижу..., увижу ль смысла очертанья.*

Кама

Река Кама для жителей поселка Закама, где я жил, играла в их жизни очень существенную роль. Летом идеальное место для купания, зимой – возможность переправиться через нее по льду. Кроме того, до нас доплывала, оглушенная на КамГЭС рыба - она была легкой добычей. Я очень

часто ходил по колёно в воде и ловил эту рыбу, порой просто руками. Помнится, я даже поймал небольшого и, совершенно, усатого сома.

До пуска КамГЭСА, и особенно Воткинской ГЭС, Кама была в жаркую погоду даже весьма мелководной, и с «трамвайчика» было видно отмели, часто достигающие середины. Но мечта переплыть Каму так и не осуществилась.

Большая часть населения Закамы работала в г. Перми, или г. Молотове или снова в г. Перми, поэтому основная проблема была в переправе через нее. Естественно история этих переправ изобиловала трагичными случаями, в частности нужно отметить случай, его с трудом можно назвать счастливым, для моего отца. Еще в начале тридцатых годов он переправлялся на огромной лодке частного перевозчика, фамилия которого канула в лету. В лодку набивалось довольно много людей и приходилось им даже отказывать. Тогда, ранней весной отец несколько опоздал и лодка уже отправлялась. На попытки попасть в лодку перевозчик ответил решительным отказом. «Куда, лодка итак переполнена», - заявил он. И отец уныло наблюдал за отходящей лодкой – представилось, как он будет оправдываться перед начальством. Тогда он работал электриком в Перм-Энерго. Неожиданно лодка сильно накренилась, зачерпнула воду и перевернулась. Все люди оказались в ледяной воде – никто не спасся.

Впоследствии каждый из нашей большой семьи оказывался в опасном положении из-за переправы. Вспоминается случай с моей сестрой Тасей – ее муж Антон буквально за воротник шубы вытащил ее уже из подо льда.

Конечно же, проблема в переправе была либо весной, либо поздней осенью. Летом через реку переправля-

лись на паряходиках Освод и Осводовец, намерное аббре-виатура соответствовала Обществу спасения на водах. Они были построены на местном судозаводе, обладали поразительно тихим ходом и были похожи на огромные утюги.

Вспоминается трагичные и трагикомичные случаи в моей жизни. Как – то я переходил Каму в районе Слудской церкви. Была весна и лед уже был тонкий и непрочный. Ледоколы, для того чтобы Кама быстрее вскрывалась иногда ломали лед вдоль реки. И вот, оказавшись где-то на середине реки я увидел, что вдоль реки движется ледокол. Времени пробежать перед ним уже не было, и я с тоской думал, что придется бежать на 37-й разъезд, сейчас это Пролетарка, около шести километров. И тут мне пришла здравая мысль – перебежать открытую воду по льдинам. Что я и сделал – оказалось это достаточно просто. Сразу вспомнился аналогичный случай. Отец купил для нового дома шифер и его нужно было переправить по льду. У Перм Энерго была взята лошадь, которую ласково называли Мальчик. И вот когда мы поехали по льду, а это было напротив Мелькомбината, мы увидели ледокол, перерезающий нам дорогу. Отец разволновался и вдруг побежал вверх Камы к ледоколу, и ему удалось договориться, чтобы ледокол подождет, пока мы переносили шифер через предполагаемый путь ледокола.

От отца у меня в наследство достался не только страх перед начальством, но и страх опоздать на работу. Как-то мой зять Юрка сказал, что Каму можно легко перейти в районе Речного вокзала, а там на электричку, понятно, что без билета, до остановки Дзержинская, от которой завод «Коммунар», на котором я работал зуборезчиком, совсем недалеко. И вот я бегу по льду в сторону речно вокзала. Внезапно, где-то уже недалеко от берега я проваливаюсь.

Выскочив, я побежал дальше... и снова провалился. Выбравшись из воды, я понял опасность моего положения – предо мною была открытая вода, а назад было нельзя из-за того, что там я уже побывал в воде. Но тут я заметил людей перебирающихся по небольшим торосам чуть вверх по Каме. Я перешел с ними через Каму, успел на электричку, и весь сырой в 8:00 стоял у станка.

Самый трагичный случай произошел поздно вечером, когда в одиннадцать с небольшим я возвращался из университета. Был мороз около тридцати градусов. При этой температуре редко Кама преподносила сюрпризы, но это в том случае, если на КамГЭС не спускали планово воду. Тогда появлялись промоины, и было опасно. Помню, я почему-то не работал на заводе – возможно, была сессия. Я перешел Каму в нужном месте засветло и постарался запомнить путь. И вроде бы, когда возвращался этим путем и пошел. Все прошло неожиданно, я упал навзничь на повернувшуюся под меня льдину, и мгновенно оказался на краю полыньи, - ноги мои уже были подо льдом. Но лед на краю не обломился, я как скаженный выскочил... и оценил свое положение. Нужно было идти по набитой тропинке, по которой, кстати, проходил, запоздавший тоже бедолага. Мне удалось перебраться на тропу, я пробежал необходимые два километра до дома. Мгновенно заледеневшее пальто было по коленям, - но о молодость, как ты прекрасна! Я благополучно ввалился в теплый дом, мать закричала: «Скорей, режьте пуговицы». На что я лаконично ответил: «А кто пришивать будет».

Были и трагикомичные случаи. Однажды перейдя Каму, я услышал истошный крик женщины. Я поднялся на насыпь узкоколейки и увидел, как мужик пытался в снегу овладеть ей. Голые ноги её, как в велосипеде, то одна, то

другая сверкали на фоне ночи и снега. Я, после некоторого колебания, уж слишком была экзотичная ситуация, подбежал и спросил: «Эй, мужик, ты чо делаешь». Мужик оглянулся, женщина вывернулась и побежала прочь: « Ой, мальчик, я бы совсем замерзла». Я остался наедине с мужиком, у которого, по-видимому, созрела какая-то мысль относительно меня. Он приказал: « Иди вперед». Я взвесил, что делать, оглянулся. «Не оглядывайся», - передо мной уже недалеко был мостик через маленькую речку, который представлял из себя прикрепленные к рельсам шпалы. Вследствие этого, если торопиться, то можно было попасть между ними. Но тут я что есть мочи дунул, и мгновенно перескочил через мостик. Мужик, похоже, не ожидавший такого маневра, со страшным матом погнался за мной. О, читатель, дошедший до этого места, занимайся спортивным ориентированием!

Кама, великая русская река! Если бы не было более раннего освоения р. Волга, р. Кама, имея более древнее русло, стала бы самой большой рекой Европы. Но, увы, часто приходится сознавать, что очевидный факт не есть основание, чтобы это факт превалировал.

Ориентирование

Перефразируя известную фразу Н. Гоголя, можно сказать: «Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимет, прежде всего, у меня спортивное ориентирование». Учитывая то, что с разумом у меня проблемы, то эта фраза становится актуальной. С этим малоизвестным видом спорта связана большая часть моего «разумного» периода жизни. В том шестьдесят шестом, работая на «Коммунаре», я, как и многие рабочие был членом общества охотников. Но, то ли учитывая мой характер, то ли опять же... увидев дичь, я сначала стрелял, а потом прицеливался. Поэтому практи-

чески всегда, тетерки, рябчики, утки улетали невредимыми. И здесь, быть может, Бог, видя, что это не мое, советовал мне заняться чем – ни будь другим. Я внял ему, и вот я на старте спортивного ориентирования!

Этот спорт, этот «образ жизни» сразу захватил меня сразу и всецело. С нетерпением я ждал каждого старта и, каждый раз, услышав команду старт, с желанием победить, устремлялся к «невидимой цели». Но, увы, как и на охоте, я сначала бежал куда-то, а затем пытался сориентироваться. Поэтому результаты моих выступлений были также довольно плачевны. Нельзя сказать, чтобы я оказывался в последних рядах, но выше середины протокола поднимался довольно редко. Но неудачи не отвращали меня от спортивного ориентирования. Видимо «зацепило», как бы сказали любители искусства.

Поделиться этой новой страстью я пытался со многими своими друзьями. И не без удачи. Я организовывал секции, проводил соревнования, выезжал за пределы области, участвовал даже на международных стартах. Поднимался и уровень, я сначала выполнил первый разряд, а потом разряд кандидата в мастера. Но все эти «успехи» забывается – остались только осколки памяти, которые поражали своей неординарностью.

Так вспоминаются ночные соревнования на Кислотных дачах. Пойдя в абсолютной темноте, освещая свой путь фонариком, я заблудился. Я долго утыкался в какие-то дороги, поляны, овраги. Вдруг мой фонарик высветил какие-то хаотично разбросанные заборы, которые часто, совсем нелогично, отстояли близко друг от друга. Затем фонарик высветил крест. Кладбище! Я быстро сориентировался, нашел кресты на карте, и, перепрыгивая через могилы, побежал в сторону контрольного пункта. Да, как меняет, под-

час, наше восприятие иные обстоятельства нашей жизни, подавляя страх, предубеждение.

А вот. Вначале семидесятых заданное направление на лыжах проводилось редко, сетка лыжней была редкой и, иногда, проще было воспользоваться какой-нибудь «левой» лыжней. Однажды я выбрал путь по еле заметной лыжне, которая вывела меня к огромной трубе, пересекающей глубокий овраг. Лыжня проходила по ней. Слегка поколебавшись, я выехал на трубу. Сначала было все нормально, но в середине трубы с одной её стороны обрушился снег. Свернуть обратно было нельзя – я посмотрел вниз и ужаснулся: там, на дне оврага я увидел срубленный подлесок, с острыми вершинами. Страх сковал меня буквально, ноги не гнулись – я двинулся на участок, где оборвался снег, перешел его и добрался до противоположного участка оврага. И, сразу же забыв обо всем, ринулся дальше... к победе!

Энтузиазм мой, подчас, был нелогичен, по крайней мере, относительно сегодняшнего времени. В середине 70-х я, пытаюсь скопировать вожаденные прибалтийские многодневки, в которых было так здорово – карты, дружеская атмосфера, информация и пр., - я со своим коллективом Каскад решил провести свою многодневку. Ни о каких либо взносах не было и речи! Приходилось печатать большое количество карт, около 800, наносить вручную дистанции, планировать их и ставить. Что ж, может быть, всё было не так уж нелогично в моем поведении – ведь я не блистал своими результатами и поэтому, хотел хоть просто как-то прославиться. Так или иначе, мы такие многодневки провели три раза, и даже удачно.

Перед первым днем, вечером нужно было поставить дистанцию. С работы пораньше я, конечно, уйти не мог, и поэтому поехал на электричке на станцию Адищево уже ве-

чером. Прибыв туда, я подошел к речке Васильевка, которая еще из-за продолжавшегося половодья сильно разлилась! Ну так, ширина речки была метра четыре. Естественно перепрыгнуть было нельзя! Я долго стоял на берегу озадаченный этой неожиданной преградой.

Вдруг, вблизи я увидел дерево, длиной метров шесть, и довольно толстое. Мне пришла оригинальная мысль: я прикатил это дерево к самому берегу, а затем оттолкнул его вершину на середину речки. Его подхватило течение, и вершина достигла противоположного берега. Получилось. Мост!

Я немедленно забежал на него и побежал. Но, дерево повернулось, и я мгновенно оказался в ледяной воде. Сначала было смешно. Смешно было оказаться в костюме с галстуком, барахтающимся в ледяной воде. Течение стремительно понесло меня вниз, и я оказался под нависающим над рекой кустом. Смех сразу куда-то делся, нужно было спастись. Схватившись за ветки, я вылез.

О какой либо постановке дистанции не могло быть и речи. Я поплелся на электричку, с ног до головы мокрый. Но кто бросит тень на синтетику, из которой в семидесятые годы шили костюмы – никто из окружающих меня пассажиров даже не заметил, что я весь мокрый.

Любопытный случай произошел с моим беговым другом Василием. Он был офицер нашей доблестной Армии. Шли какие-то центральные армейские соревнования – Василий был одним из их фаворитов. И у него был его главный соперник. Дали старт. Василий довольно удачно преодолел большую часть дистанции. Неожиданно путь преградила огромная болотистая канава, оббегать которую было очень далеко. Вдруг он увидел своего соперника, который

был уже на другой стороне канавы. Василий решительно ринулся в топкое болото канавы, и, увы, его стало засасывать.

Его соперник увидел его затруднения и радостно побежал к контрольному пункту.

- Так, тону, - спокойным голосом произнес Василий. Тому ничего не оставалось делать, как помочь выбраться. Они вместе взяли КП, но из-за того, что у соперника было более позднее стартовое время, то он заведомо выигрывал у Василия на финише. Решение пришло абсурдное. В то время, когда тот побежал опять оббегать канаву, Василий плашмя прыгнул в самую её середину, и отчаянно работая руками и ногами, выбрался на противоположную ее сторону.

Выиграл! Когда они стояли на пьедестале, то его соперник угрюмо на него посмотрел. Я часто думал – должен ли был Василий в знак благодарности отдать сопернику победу. Нет! Это спорт, а он бескомпромиссен. Все для победы – этот лозунг тем прекрасен, что своей звучностью аналогичен лозунгу при войне. Но это спорт – прекрасная ей замена! Должен ли помочь ему выбраться его соперник, в угоду проигрыша. Да, должен! Ведь в любой ситуации любой спортсмен должен быть, прежде всего, человеком. Просто, посмеемся! И еще, всегда должен исповедоваться при соперничестве принцип «Честная борьба», а нечестного в поведении Василия я ничего не вижу.

А потом. Иногда иная помощь может стать разочарованием на всю жизнь. Так другой мой друг Сергей на мастерских соревнованиях был первым перед финишем. Его соперники, стартовавшие перед ним, финишировали вместе с ним. И тут к Сергею подбежал один из них... и попросил

его замедлиться. Сказал, что Сергей долго лидировал его, поэтому он более достоин победы. Сергей замедлился – тот выиграл, а Сергей занял четвертое место. Уступив и победу, и звание мастера.

Ориентирование! Как я радовался своей первой серебряной медали на Кубке Урала, и с каким равнодушием смотрю на эти все значки, медали, кубки теперь. И это при том, что на дистанции за эту самую медаль рвешь жилы. Это противоречие стало все более осязаемым, когда пришло понимание, что спорт не в наградах, не в званиях, а том замечательном чувстве, которое называется «спортивная борьба»!

ЖИВОТНОЕ

Все попытки составить спортивную карту за те 55 лет, сколько я занимаюсь спортивным ориентированием, заканчивались весьма посредственным результатом. Полученные в результате длительных терзаний, карты показывали мне такие гримасы, что и в страшном сне... За всю свою историю я составил несколько карт, но реакция моих беговых друзей была всегда однозначно посредственной. Быть может, мне всегда не хватало методичности, или, что поднимает меня в своих глазах, - во мне потерялся истый художник: ведь каждый знает, что настоящие художники всё, всё перековеркают, все перекрасят, всё переиначат – и только тогда получается истинное произведение искусств.

Но все изменилось в лучшую сторону, когда можно было распечатать нужный район из космоса. Тогда матушка природа сама позиционировала все основные объекты, и нужно было только подрисовывать на уже готовой карте некоторые объекты. Но и тут мало что получалось. Тем не менее, видя моё рвение в составлении карт, мои сановитые

друзья иногда подбрасывали мне шабашки - составить карту какой-нибудь спортивной базы, детского лагеря и даже, строения, в которых они проводили соревнования.

И вот я на частном автобусе еду в некий детский лагерь с помпезным названием «Новое поколение», карту которого я должен был составить. Я заранее распечатал участок космоса и был уверен, что карту составлю. Очутившись в лагере, я оказался примерно в тех же условиях, что и кафкианский землемер К, пытающийся добиться аудиенции в сакральном Замке. Никто меня не привечал, но никто меня и не гнал – словом я был окружен тем равнодушием, которым славится моя Родина, когда от человека, в общем-то, ничего не надо. Я уже начал думать, что попал не туда куда надо, но неожиданно какая-то пожилая женщина отправила меня в столовую, и даже выделила какое-то помещение, в котором я мог переночевать.

Я как тот самый землемер, все пытался добиться аудиенции начальника лагеря, чтобы согласовать условия оплаты, масштаб карты и прочее... но безуспешно. Хотя он и был в лагере, но встретиться с ним мне не удалось. Более того я не знал, как буду добираться обратно.

Та самая старушка, которая оказалась моим единственным визави, сообщила, что утром отправится в город автобус, на котором можно уехать. Но я еще не закончил работу, бросать ее не хотелось, поэтому решил идти пешком до ближайшей остановки автобуса. Как оказалось не так далеко – всего около семи километров.

Составив карту и попрощавшись со старушкой, я бодро зашагал по проселочной дороге, которая сначала петляла по полю, затем нырнула в довольно густой лес. Не снижая темпа, я наслаждался той свободой, когда знаешь, что

ни от кого не зависишь. Быть может, я чуждался той социальной среды, предполагающей некие выдуманные правила поведения, каким бы ты не был свободолюбивым - всегда приходится поджать хвост при виде начальника, просто человека властного, которому ни дать ни взять нужно тебя как-то принизить... И, я всегда завидовал тем, кто был независим от социума, почти независим, поскольку трудно себе представить не считающегося с обстоятельствами, человека. Впрочем, эта боязнь начальника пришла, быть может, от отца, пережившего сложное время, когда волей неволей приходилось взвешивать ту долю обстоятельств, из-за не учета которых можно было угодить в тюрьму. Вот поэтому я любил путешествия, когда наконец-то оказавшись на лоне природы, и когда всё зависело только от тебя – некогда трус, я бросался на байдарке с водопада, проходил без страховки сложные перевалы, оказывался в бешеной пурге.

Идя по дороге, я увидел вдали некую движущуюся точку, направлявшуюся в мою сторону. Мне показалось, что это собака, правда в мозгу шевельнулась мысль, откуда быть собаке в густом лесу. Волк! Увидев меня, он остановился, занял середину дороги и принял ту самую стойку, какая была в мультфильме «Маугли». И это было красиво. Не снижая скорости, я подумал, не свернуть ли своевременно в лес и оббежать его. Но быть может, я подумал, что это уже поздно или еще что-то я подумал, но, не снижая скорости, двигался навстречу волку, заняв, как истый автомобилист, правый край дороги. Волк, следуя мне, переместился влево.

Расстояние между нами быстро сокращалось, и я уже взвешивал, что буду делать, когда он на меня кинется: сбросить рюкзак и попытаться накинуть ему на морду... а там как получится. И вот осталось не более десяти метров, когда я увидел направленные на меня желтые глаза. Я, в

свою очередь, также, не отрываясь, смотрел в них... Волк было ринувшийся на меня, вдруг издал какой-то примиряющий звук, и пробежал мимо меня. Я некоторое время боялся обернуться, а обернувшись, увидел, что он скрылся в лесу. Для меня наступил катарсис! Мы поняли друг друга, - я и он животные! И мы сыграли в эту игру, как два животных.

До деревни оставалась километра два, и в течение этого времени я восторженно думал, что если бы миром правили законы дикой природы, где все логично, нет подлости, нет зависти, нет гордыни. Есть великая природа, диктующая нам свои справедливые законы.

В деревне, я спросил мальчишек, когда придет автобус до города. «Только что прошел», - ответил один из них - «два прошло». Вот и остановка, а в ней ждали автобуса люди. Я не стал их спрашивать... А через пять минут пришел автобус в город...

Западня

В свое время у нас с братом было владение За Камой – бревенчатый добротный дом, оставшийся от отца. Нужно отметить, что часть этого дома принадлежала мне, после смерти матери, которая являлась его владелицей. А затем, перед смертью отца брат перевел половину на себя, и этот дом стал нашей с братом общей собственностью. Здесь как-то выводились за рамки две сестры, но эта другая история. Я жил в этом доме и как мне казалось, имел моральное право и пр. и пр. Брат хотел его продать, а я противился, и это служило основанием нашего «недопонимания», мягко говоря.

Польза от этого дома состояла в том, что мы совместно использовали земельный участок, а это значит, мы

хранили выращенный урожай в овощной яме. Изредка мы появлялись на усадьбе, чтобы забрать эти овощи.

И вот я, в морозный вечер, - температура воздуха была ниже тридцати, решил сходить за овощами, не сказав об этом никому. Открыв яму, я забрался в нее, но чтобы мороз не попадал в нее, закрыл за собой западную, и в полной темноте быстро набрал овощей в свою сумку.

Я ловко поднялся сначала на барьер бурта, затем на перекладину – лестницу за все время мы сделать не удосужились, затем нажал на западную, чтобы выбраться наверх. Западня не поддавалась. И здесь я вспомнил, что цепь, на которую весили замок, и часть которой естественно проходила внутрь ямы, свободно лежала поверх западни. Она могла заплестись!

Я долго дергал западную вверх, вниз, но она никак не открывалась. Попытка просунуть в небольшое отверстие, куда входила цепь, и попытаться как-то расшевелить цепь не увенчалась успехом – от холода мой палец только окоченел. Западня. Находясь в несколько раскоряченном положении, упираясь одной ногой в край бурта, а другой в перекладину, я начал обдумывать мое положение. Насколько хватит воздуха, сможет ли кто предположить, что я отправился за овощами, хватит ли силы так стоять. Какое приспособление найти, чтобы оно каким-нибудь образом выйти наружу. Но везде мысленно я наталкивался на тупики.

А выход нашелся, пожалуй, даже банальный в своей простоте – западня имела относительно люка небольшой люфт, всего, быть может, сантиметра два – три. Но я истово стал использовать этот люфт, совершая некие вращательные движения.

Свобода! Я выскочил из ямы, закрыл ее на ключ и вышел наружу. Весь окружающий мир мне показался таким светлым, таким чистым, таким объемным. Я не замечая холода, любовался вдруг ставшей прекрасной округой.

Так иногда, попав в какую - ни будь западню, мы заново переоцениваем окружающий мир, он становится снова содержательным и прекрасным.

Лавины

Эта пакость в лыжном походе, отравляющего его, быть может является самой главной опасностью в нем. Причем она в общем безобидна, существует даже некий процент ее срыва, кажется 95%, некоторые именитые туристы – лыжники за всю свою карьеру не испытали ее страшных последствий. Так осудив меня, как руководителя, за лавину на Приполярном Урале, мы на следующий год благополучно, серпантином, отутюжили лавиноопасный склон.

Впервые я попал в так называемую бортовую лавину. Причем в лавиноопасную погоду, в лавиноопасных Саянах. Обходя ледопад, мы стали подниматься на берег по довольно крутому склону. Внезапно меня стремительно понесло вниз, причем в самой нелепой позе – на «раскорячку», головой вниз. Я долго, несколько секунд, пытался освободиться от лыж – скалы уже приближались. Удалось растянуть пружину, я сгруппировался и наконец остановился. Эта была небольшая лавина, с «грузовичек», но не так безобидна. По крайней мере под подобной лавиной погибли эстонские туристы.

Вспоминается трагические события, связанные с сошедшими лавинами. В жаркий мартовский день на перева-

ле Сюрприз Приполярного Урала мы неожиданно вызвали мощную лавину. Это была снежная доска, занимавшая 300 метров склона. В неё попали из нашей группы двое: Валерка, мой постоянный спутник, и еще... не помню имени. Их спасло то, что один из них оказался на левом краю склона, а другой на правом. Я, упав и решив отдохнуть, иначе мог бы оказаться в середине этого месива! Оба благополучно выбрались, но найти лыжи так и не удалось – слишком огромные были кубы снега.

Пришлось нам вдвоем возвращаться на базу геологов, где стояли охотничьи лыжи. Остальные стали спускаться дальше, где их ждали трагические события. Группа из Харькова попала в лавину, в результате которой погибла женщина. В этих случаях группа вызывает вертолет. Ведь как мне потом объяснили, что это может быть место предполагаемого преступления. Но та группа решила поступить иначе, принудив нас следовать с ними. Мы, конечно, сопротивлялись, представляя абсурдность этого решения. Но подчинились. Путь предстоял длинный – около 180 км до Саранпауля, и только случайно пересекший реку вездеход, привел нас на прииск Ярата Шор, откуда мы добрались на тракторе до Саранпауля. Были неизбежные разборки, в которых я до сих пор не знаю, правильно ли поступил.

Охотник Аликин

Мы часто ходили в лыжные походы по Северному Уралу: Конжак, Денежкин, Ослянка, Басеги и прочие хребты и долины. Сколько было переломано лыж, сколько было стоянок, восхождений на эти невысокие, но красивейшие горы. Один из маршрутов назывался «По избам охотника Аликина». О нем ходили легенды, но самое главное для нас

– это то, что он понастроил в районе Денежкина камня около десятка изб, в которых останавливались на ночлег и туристы, и охотники, и рыбаки, забредшие в эти суровые края. Но главной резиденцией охотника Аликина была изба в среднем течении реки Кутим, впадающей в реку Улс, которая в свою очередь впадала в уже известную всем реку Вишера. Охотник был как бы властителем этого края – он даже называл себя «Князь всея Руси – Кутимский». Всем была интересна его, как говорили, многострадальная судьба, о нем ходили легенды и из-за них охотник практически все время находился в этом районе и чуждался взаимоотношений с официальным миром.

И вот мы в очередной раз забросились в район Главного уральского хребта, ГлавУрал – как его называют туристы. «Перевалив через Урал», мы спустились по безымянной речке к реке Кутим, которая скатывалась с Уральского хребта. В месте слияния мы увидели добротную таежную избу, обвешанную различными аксессуарами охотничьего быта. Здесь были капканы, которые простодушная Надька назвала «стременами», охотничьи лыжи, обитые камусом, какие-то деревянные сани и прочие аксессуары охотничьего быта. Мы зашли в сени, где в углу валялась шкура медведя и лося, поленица дров, подвешенные шкурки пушных зверьков, и еще много, много всего, что вызывало некий страх, который всегда присутствует при встрече с неведомым.

Вскоре появился хозяин избы, который впоследствии назвал себя Аликиным. К туристам он относился благодушно, называя их ложкайниками – ведь они были сродни его скитальческой жизни. Изба оказалась достаточно просторной. В углу избы была установлена добротная буржуйка, основанием для которой служила груда уложенных булыж-

ников, стол, прилегающий к окну, и два топчана. Над столом в траурной рамке был «портрет» лайки.

- Я добывал с ней до семи соболей в день, вогул убил, - печально сказал Аликин, - Когда мы встретились, он спросил - Мстить будешь? – Нет, ответил я, - за это убивать нужно.

Я встретил, однажды этого вогула в поселке Всеволодск. Он стоял у магазина, я радостно к нему подошел, и напомнил ему, что мы встречались уже, когда он добыл куницу. Он испуганно оглянулся, - по-видимому, тогда добыча куниц была под запретом.

Нас было семеро, и мы планировали еще сходить на хребет Кваркуш, полюбоваться ледопадом на ручье Жеглан. Но мне хотелось побольше узнать об охотнике, и я предложил опытной Надежде сходить туда без нас, четверых – она согласилась.

Охотник не возражал, чтобы мы остались у него. Он сходил на мороз и принес медвежьей печени, настругал ее и предложил нам. Преодолев некое сопротивление, я впервые попробовал сырую медвежью печенку. Левин, мой постоянный спутник, предложил вырубить корыто, чтобы нарубить там мясо для пельменей. Охотник снисходительно согласился. И вот фарш, после длительных манипуляций, был готов. Охотник подошел, взял ломоть хлеба, положил на него приличную часть фарша и стал, есть, к нашему удивлению.

Здесь он рассказал, как добыл медведя. Когда он повстречал его – он прицелился и нажал курок, но случилась осечка. Тогда охотник достал папиросу, зажег спичку, и закурил. Медведь в изумлении приостановился. Тогда охотник перезарядил ружье и уложил медведя. Все это выглядело

неправдоподобным, но мы поверили, - ведь шкура и мясо находились в сенах

Сварили пельмени, налили, разговорились. Мы несколько смущенные величием этого человека рассказали куда ходили и благодарили его за избы, которые он понастроил, ведь при правильной организации вообще можно было обойтись без палатки в походах в этой округе.

И тут он рассказал о своей многострадальной судьбе. Часто бывшие эски составляют легенду своей «посадки», чтобы выглядеть в глазах слушателей добропорядочно, но здесь, несмотря на необычность его рассказа, мы поверили в действительность его истории.

- «Я был молодой, сильный, здоровый и в начале войны попал на «краткосрочные» курсы летчиков – истребителей. В том хаосе начала войны, путанице в командах, противоречивости инструкций я совершил непоправимое – задел крылом своего друга, который погиб. Я чудом спасся. Меня приговорили к расстрелу, но потом Калинин, заменил расстрел на ссылку в Магаданские рудники. Вспоминаются эти бараки, мороз за 40, и огромное количество трупов, которые не успевали хоронить. К весне, из тысячи эсков нас осталось около двухсот. Мы решили бежать. Бежали втроем, причем одного уговорили с одной единственной целью... Мы выжили, но меня поймали и я просидел до 1957 года. После чего я разуверился во всем, - у меня во Всеволодске есть жена, но практически все свое время я нахожусь здесь».

На следующий день, он пожурил Левина за пристаивания к Нине, мы, распрощавшись с доброй половиной чая, стали собираться в дальнейший путь. Охотник привычно, много раз повторив одно и тоже различным группам, указал

на ключевые этапы дальнейшего пути. Мы попрощались с ним, как это оказалось навсегда. Прокладывая в глубоком снегу лыжню, мы не могли отделаться от мыслей об этом чудном уже старике.

Сколько судеб сломала война, что не приходилось делать, чтобы выжить, как потом это являлось причиной ночных кошмаров. И вот теперь, когда детально «обсасывается» жизнь в оккупированной Франции, когда не закрывались кафе, с немцами можно было торговать, существовал театр и кино и пр., - думаешь, что охотник Аликин в его многострадальной судьбе во сто крат благороднее и честнее всех этих...

Перевал Дятлова

Для того, чтобы пойти в зарегистрированный поход в прежние времена, ну, то есть в семидесятые, восьмидесятые годы прошлого века, прошлого тысячелетия, необходимо было заявить по минимуму шесть человек в походах высшей категории сложности, и четыре – в походах 1-3 категории. Развитая сеть контрольно-спасательных служб могла даже препятствовать появлению туристов в сложных для прохождения районах малочисленными группами. Но естественно нарушители этого правила, безусловно, были. Среди них оказались и мы с Виталием Потаповым в походе по Северному Уралу в районе горы Отортэн – это в истоках реки Печера. Нас было двое поневоле, - как правило, перед самым походом, представив все трудности похода, слабые нервные новички, кстати, часто под давлением родителей, отказывались от участия, бросив на произвол судьбы, к сча-

стью или к несчастью, оставшихся в группе. Так и у нас — перед походом нас оставили двое. Мы решили идти!

У Виталия также не было опыта похода, но в «троечке», конечно же, на мой взгляд, мог участвовать. Виталий бегал у нас в секции спортивного ориентирования, но сказать, что он был моим другом, было нельзя, более того, как потом выяснится, у нас в походе были довольно натянутые отношения. «А у кого они были с тобой не натянутые», спросит въедливый читатель, но по comment.

План нашего путешествия был довольно сложный: от вольного поселения эзков Ушма, далее по реке Ауспия до Уральского хребта, оттуда нужно было «сбегать» на гору Отортэн, а затем, сплавившись на построенном нами плоту по реке Унья, перевалить через старый, еще Екатерининский волок в реку Колва. Все было бы ничего, но в середине сентября нас ждала весьма неприятная погода - постоянный дождь перемежался с сырым снегом.

Погода, погода — сколько раз в своих многочисленных походах из-за необходимости или откровенной глупости при определении сроков похода, я оказывался в круговерти дождя, сильного ветра, жуткого холода и проч. проч. Но всегда, как оказывалось, эти напасти преодолевались. Вот и теперь, мы довольно быстро освоились, и даже оперативно разжигали костер под дождем и снегом. Правда, это сказывалось на нашем общении с Виталием, которое свернулось до нескольких слов: «Будешь, нет, не буду, в крайнем случае, есть, не буду». Все остальное и так было понятно.

Нас подбросил в сторону верховьев реки Ауспия бывший ээк, оставшийся после заключения в Ушме. По дороге к этой реке прямо на дороге мы увидели стаю глухарей, которые и не думали улетать от подходящей машины. Я успел

выскочить из кабины, забраться в кузов, собрать ружье и выстрелить по одному из них... и даже попал. Первый трофей! Расплатившись и отпустив машину, мы нашли Ауспию и пошли вверх к ее истокам.

Вечером у нас был пир, который омрачался уже начавшимся размытием наших с Виталием отношений. «Он идет как танк, не сворачивая от препятствий», - отмечал в своих заметках мой спутник. Он дал мне несколько советов по разделке глухаря, которые я игнорировал. Он раздраженно проговорил: « Сойдет, в крайнем случае, я есть, не буду».

Нельзя сказать, что наши взаимоотношения были всегда натянутыми – иногда у нас были довольно откровенные разговоры. В частности он просвещал меня, неопытного в этом деле, в плане эффективного воздействия на женщин. Я воспринимал это с некоторым интересом... и безразличностью.

И вот мы, наконец, добрались до истоков реки Ауспии. Дальнейший наш путь лежал через Уральский хребет – на гору Отортэн мы уже решили не ходить, к истокам реки Уньи.

Подъем на хребет был достаточно крутой, мы решили заположить наш путь, поднявшись на его отрог, который разделяет Ауспию и Лозьву. Поднявшись по пологому каменистому склону на отрог, мы неожиданно вышли к большой мемориальной доске, на которой было сообщено, что на этом месте погибли девять туристов из УПИ, каждый из которых был перечислен поименно. Я вспомнил, что у меня была книжка, в которой гибель этих туристов была описана. Там девушка, которая любила руководителя Дятлова, ночью вышла из палатки, для того чтобы сбросить с нее снег,

которая провисла под его тяжестью. Но поскольку палатка находилась в месте «мощной аэродинамической трубы», девушка была сдута ветром по склону. Услышав ее крик, ребята в носках выскочили... и еще много, много бреда.

Впоследствии, я узнал, что эта, в общем-то привычная ситуация с гибелью туристов, особенно в 50-е годы, когда в стране гибли десятки, чаще всего, по глупости туристов, раскручена пиаром до огромных масштабов. Высказывалось десятки версий их гибели, кстати, основная версия гласила, что туристы погибли из-за лавины. Бред какой: на пологом, каменистом склоне лавин в принципе быть не может. Дятловцы могли подрезать склон, для того, чтобы поставить платку ближе к склону. Это делается иногда для того чтобы, защититься от ветра. Довольно часто это завершается трагически – склон мог обрушиться на палатку. И эта версия, на мой взгляд, логична. Но учитывая, множество дополнительных фактов, эта версия тоже не жизнедеятельна. Скорее всего, внешний фактор здесь был определяющий!

Тогда в 1972 году этих размышлений у нас не было. Мы двинулись дальше в сторону главного хребта и вскоре вышли в истоки реки Унья. Постройка плота, сплав по реке не требует особых комментариев, особенно в жестких условиях сентября. Приплыв через несколько дней к поселку Усть-Бердыш, мы через старый пятидесятикилометровый Екатерининский волок вышли к реке Колва. Там удачно с оказией в моторной лодке добрались до пос. Русиново, откуда уже вылетели на Аннушке в Ныроб. Поход, в котором в условиях дождя и снега были у нас с Виталием были натянутые отношения, завершился.

Не хватает, правда, отметить комическое происшествие, которое произошло в Русиново. Виталий, когда выхо-

дил из лодки, запнулся пяткой о борт и навзничь упал, к моему удовлетворению, в воду. В результате он полностью оказался в воде. В это время я увидел, что над лесом снижается Аннушка. Сказав Виталию: «Чешишь, чешишь», - я еще более распалил ситуацию.

Я побежал в направлении аэропорта. На летном поле уже приземлился самолет. Я подбежал к нему, и спросил у летчика, можно ли улететь на нем. Он ответил: «Вон там касса, купите билет». Я схватился за карман, и вспомнил, что все деньги у Виталия. А самолет готовился к отлету! И вот на краю поля показался Виталий. Я отчаянно замахал ему рукой, а он деланно продолжал идти медленно. Я еще отчаяние замахал... и тут я явственно услышал, что он надо мной смеется. Я бросился ему навстречу, подбежал и ударил его прикладом ружья. Он не задумываясь, ответил мне по роже. Окружающие с интересом смотрели в нашу сторону, как вдруг я увидел, что убирают трап. Я бросил Виталия, побежал к самолету, вскочил по трапу, и, запнувшись о край, упал вместе с ружьем в трюм. «А вы куда летите», - с иронией спросил летчик. – «В Пермь, в Пермь», - отчаянно воскликнул я. - «А мы летим в Ныроб» - «В Ныроб, в Ныроб», - уже радостно ответил я. Успел и Виталий, он сел радом со мной хотел примириться, но я царственным жестом отклонил его.

Ах, молодость. Как она подчас непримирима, как простой пустяк может быть основанием большой ссоры. И быть может, в жизни существует некая цель, чтобы понять это. И только, наверное, предательство, тот поступок, который трудно простить.

*Любая жизнь живет...
Р. Рильке*

Судьба убийцы

Поразительно, но вспоминаются случаи полувековой давности, а те, которые случились недавно, вспоминаются не так легко. Быть может, восприятие тогда, когда мы были так молоды, было более ярким, или склероз, или по мере повышения опыта, события теряют ту значимость, какая была в пору его получения.

В шестьдесят девятом, после окончания ПГУ, мы отправились в поход на Северный Урал. Задача была перейти Уральский хребет в районе перевала Чистоп, затем уйти в Вишеру и сплавиться по ней на построенном нами плоту. Нас было четверо – трое: Люся, Володя, я из ПГУ, и Аська, Серьгина «подруга», которая сразу же из-за своего настырного характера создала мне множество проблем.

Из города Ивдель мы приехали на автобусе до поселка Вижай – центре всех лагерей заключенных Ивдельского «края». Там мы встретились с легендарным манси Бахтияровым, юрта которого находилась недалеко от Уральского хребта. С трудом понимая, что он говорит, так как он постоянно путал язык манси с русским, я узнал, что почти до самой его юрты можно добраться от поселка Тохта, до которого сейчас идет попутка. Мы решили изменить маршрут, так как от юрты через Уральский хребет было недалеко до реки Мойва, сплавившись по которой, мы попадали в Вишеру.

Там мы встретились с расконвоированным зэком, который работал шофером на ЗИЛе. Он отправлялся в сторону Тохты и согласился нас взять. И вот мы отправились по территории сплошных лагерей: в основном зэки там работали на лесоповале. Нас поразила густота этих лагерей – они следовали один за другим, причем заключенные были разных мастей: расконвоированные; обычные в черных ро-

бах... и полосатики, которые вызывали чувство страха и подавленности, особенно у Люси, которая и видом такого не видывала.

Приехав в Тохту мы остановились в избе этого шофера. Налили, затем отлакировали брагой, которую принес его друг, совместный сиделец, и здесь он рассказал свою историю, которая поразила нас.

«В 1945, после окончания войны, в Одессе был разгул бандитизма, ограблений, убийств. Я среди них не был исключением. Однажды мы решили ограбить склад, чтобы потом реализовать награбленное. Захватив склад, мы попали на сторожа, которого пришлось убить. Там были еще два свидетеля, одного из них мы тоже убили, а другому удалось сбежать. Трупы мы отвезли и свалили в Днестр. А за третьим мы гонялись почти год, до тех пор, пока он не сдал нас. Вот таким образом мы оказались здесь в лагерях. В 1957 году я пытался сбежать, но меня поймали и добавили срок. И вот сейчас я наконец-то не теряю надежды вернуться на свободу. Там, как ни странно, ждет меня жена!»

Мы потупились, не зная, верить всему, что он рассказал или нет. Но слишком обнаженным был рассказ, чтобы ему не верить.

Мы сказали, что завтра собираемся вместе с манси дойти до его юрты. Неожиданно он обратился к манси: «Слушай, сколько лет живу, а у тебя не бывал. Я завтра пойду вместе с вами». На следующий день мы отправились на его машине в сторону юрты. Доехали до места, которое ограничивало зону свободного перемещения расконвоированных зэков. Шофер оставил здесь машину, немного усмехнувшись. Я тогда не понял этой усмешки. Только потом понял, что он практически совершает побег!

Перевалив через небольшой лесистый перевал, мы оказались в юрте Бахтиярова. Понятие юрта здесь означало место, где жил манси. Это огромная поляна с многочисленными постройками манси: сама юрта, склады, подсобки. Сани, лыжи, капканы – словом вся утварь мансийского стойбища. Кроме манси, в стойбище был еще ребенок лет двенадцати. Я наблюдал как ловко он настругал лучинок, сложил в шалашик и мгновенно запалил костер. В последствии, оказавшись в тех краях зимой, я увидел подъезжающий к нашей группе Буран. На прицепе сидел «в дупель» пьяный манси. Не тот ли это мальчик, судьба которого так дико с ним распорядилась!

Побыв немного у манси шофер отправился обратно. Буквально через несколько часов появились солдаты. Они напрямую спросили у манси о нем, сказали, что это побег, и что он не заметет следы - они спустили у автомобиля «скаты». Манси взволнованно подбежал к нам и стал просить у нас спирт, чтобы «замаслить» солдат. Я замялся, а Володя сказал, что у нас нет. До сих пор я вспоминаю этот момент – ведь все могло быть фатально для этого человека! Затем манси радостно сказал, что все улажено. Но сомнение, что мы совершили непоправимое, остается до сих пор.

На следующий день манси проводил нас до хребта, мы попрощались, перевалили через хребет и вышли к реке Мойва. И здесь провидение сыграло с нами злую шутку. Решив, что мы через перевал не прошли, мы решили пройти его между двумя вершинами: Ойка-Чакур и Муравьиный. Таким образом мы перевалили обратно... в Азию, не заметив этого.

Далее наш поход продолжался уже по новому сценарию. Построив плот, мы стали сплавляться вниз, а когда по-

няли где мы находимся, то было поздно. По реке Вижай мы плыли в сторону реки Лозьвы. Река Вижай нас поразила довольно длинным красивым каньоном – довольно редко на Урале бывает, чтобы обрывистые скалы были с двух сторон.

Окончательно поссорившись с Аськой, которая с явным удовольствием комментировала мои просчеты, мы наконец-то приплыли в поселок Лозьва...

Я часто вспоминаю этого шофера, судьбой которого распорядилась война, исковеркавшая огромное количество судеб. И, несмотря на чудовищность его деяний, сочувствую ему.

Собака – путешественница

Алтай был неким сакральным местом для многих лыжных походов, и, конечно же, под моим руководством. И вот, в очередной раз мы на Алтае. Нас пятеро: кроме меня: многоопытный Саша Осетров, который для некого баланса власти, группой был определен как технический руководитель; Леха, в последнее время постоянный член нашего сообщества, часто пресекающий автократические методы руководства; Ольга, некая копия Лехи в поведении, но с неким женским уклоном в сторону проявления характера и, конечно же Антон, всеми уважаемый в нашей разноречивой компании.

Наш маршрут был «сквозной», то есть не предполагающий в прохождении каких-либо петель – уловка для многих групп, пытающихся увеличить сложность маршрута за счет организации базовых пунктов, где оставлялись продук-

ты для дальнейшего прохождения. Он охватывал сразу два района Алтая: Северо-Чуйские и Катунские белки, - нужно было преодолеть около 280 км из пос. Чибит до пос. Тюнгур. На протяжении всего маршрута не было никаких населенных пунктов, поэтому приходилось тащить весь вес на себе.

Прибыв в Чибит, мы сразу покинули его, опасаясь нападения местной молодежи – уже тогда появлялись националистические настроения местного населения. Когда мы вышли за пределы поселка, за нами увязалась собака – она была настроена к нам дружелюбно, и мы особенно не обращали на нее внимания. Это была довольно крупная лайка, порода которой была слегка подпорчена местными условиями проживания. Кроме того, у нее был выбит передний зуб. Подойдя к мосту через горную реку Чибит, мы стали беспокоиться потому, что она и не пыталась от нас отставать. Перешли реку, вечерело, - необходимо было вставать на ночь. Выбрали приличную, почти без снега, стоянку и начали готовиться к установке лагеря. Неожиданно собака повела себя странно – она несколько раз забегала на бугор и возвращалась обратно. Я почувствовал, что она хочет показать, что-то. И, действительно, поднявшись на бугор, я увидел добротную избу, в которой можно было остановиться.

Понимая, что эта «услуга» собаки не пройдет даром, я попытался изолировать ее от группы – не пускал в избу и отгонял ее. Она «привычно» убегала, но потом, через некоторое время, возвращалась. Я понял, что будет проблема! Поднявшись по скальным участкам, о глупость, ведь нужно было знать о тропе, которая огибала обрывистые участки, мы, потеряв окончательно силы, организовали обед. Собаки не было!

Сбросив груз глупости, мы двинулись, преодолевая значительный вес рюкзака, который всегда сопровождает туристов на выходе, и вот, наконец, вышли на более пологий участок подъема к намеченному перевалу.

Вскоре организовали бивуак, сварили ужин и о, - увидели присматривающую за нами собаку. Уже привычно отогнав ее, мы уже не сомневались в том, что она замыслила относительно нас некий план. На следующий день, мы успокоились – до самого перевала собаки не было. Но, поднявшись на него, мы увидели ее вдалеке от нас. Это была последняя битва, за то, чтобы отцепить нового участника нашей группы – мы гонялись за ней, она без усилий убегала...

И вот спустившись с перевала, и, попав сразу в глубокий снег, мы поняли неотвратимое, – ее нужно будет кормить, отделяя продукты из нашего аскетического рациона, который всегда сопутствует любому сложному лыжному путешествию. Саша, где-то нашел приемлемую лоханку – ох уж эти туристы – всегда возьмут что-нибудь лишнее, и отделил от общего котла порцию.

Через несколько дней похода мы уже не мыслили отсутствие собаки в нашей группе. Через пять дней мы, наконец-то вышли к живописному горному озеру Шавло, где нас ждала долгожданная дневка.

О, дневка, сколько мыслей крутится вокруг тебя. Сбросить, хотя бы на день, этот проклятый рюкзак, особенно в начале похода, когда, подчас, нет сил, чтобы поднять голову, чтобы любоваться окружающим видом. И, иногда, кажется, что вся цель путешествия дневка – это возможность отдохнуть, сходить на какой-нибудь живописный ледопад... и просто, поваляться на нарах избы.

Наш боевой состав, Саша и Антон, пользуясь временем, решили «сбегать» на близлежащий перевал, пока остальные будут расслабляться. Собираясь к выходу, мы заметили, - собака однозначно выбрала этих сильнейших. С улыбкой восходители ничего не имели против. Я удивлялся – как, это животное, выбрало более сложный путь, пренебрегая очевидными удобствами. Мы, наконец – то поняли, - к нам привязалась собака – путешественница, у которой есть некий вкус к тем препятствиям, которые мы преодолевали.

Далее следовал довольно сложный перевал, который открывал путь в долину мощной горной реки. Сначала это был мощный скальный участок, затем длинный ледник, который практически выходил на перевал. Ледник этот, во избежание попадания в трещины чаще всего проходят в связках. Это непреложное правило часто игнорируется туристами лыжниками. Там же хорошие снежные мосты через них, - утверждают наиболее авантюрные из них.

Сварив на примусе обед, мы продолжали подъем. Вдруг собака резко пробежала вперед, затем назад, ну точно так же, как в начале похода. Пройдя чуть вперед, мы заметили еле заметное продольное углубление, которое, скорее всего, соответствовало трещине, - она указала нам на опасность! Обойдя трещину, мы вышли на перевал. Был уже четвертый час и, по сути, необходимо было устроиться на ночлег, чтобы завтра, с «утречка» спускаться с перевала. Но, как же русский человек любит слово авось. Как часто, следуя ему, мы попадаем в удивительные приключения, без которых жизнь наша была бы пресной, и как в задоре, мы восклицаем, бросившись в пучину обстоятельств: «Будет что вспомнить».

Решили спускаться, благо технический руководитель Сашка дал добро. С крутого скального участка была брошена веревка, я, сославшись, на то, что нужно разведать дальнейший путь, спустился до более пологого участка, где можно было уже спускаться в кошках. Дальнейший спуск оказался не простым, спустившись по кулуару, я увидел, что склон далее круто обрывается. Нужно было искать новый путь спуска. С трудом поднявшись в исходную точку, увидел более приемлемый для спуска путь. Вечерело. Солнце уже стало клониться к горизонту. Но никого на спуске не было видно.

Через некоторое время появился Леха, который был весьма неуверен. Я в отчаянии, что время уходит, поднялся до него, схватил его рюкзак, и доставил его к месту. Вскоре стали видны и другие участники. От них я узнал причину задержки: Сашка решил, и сначала совершенно безуспешно, спустить собаку на веревке. Наверное, это был первый опыт в мировой практике туризма. Он долго ловил ее, затем пытался правильно привязать – словом это заняло такое огромное количество времени, что мы могли остаться на этом склоне всю ночь.

Не обошлось без происшествий! Спускаясь по довольно гладкому кулуару – на мой взгляд, нужно было спускаться осторожно, страхуя себя палкой, а Антон вдруг совершенно нелепо упал лицом вниз по склону. Позднее, когда все обошлось, он сказал, что показывал верхним, как нужно спускаться. Я видел, как стремительно он ко мне приближался, встал на его пути, но оценив последствия удара, отскочил... Антон промчался дальше, и чудом зацепился за лежащие на поверхности склона камни. Шапка его, в качестве иллюстрации того, что могло произойти, улетела вниз по крутому кулуару.

Впоследствии, я вновь и вновь, вспоминал это событие, оправдывая себя и, конечно же, не оправдывая. Сколько раз я представлял, как мы вместе несемся по склону в неизвестность... Позднее, в похожей ситуации, я увидел, как действовал мой визави, опытный из опытных. Он просто бросился поперек склона, раскинул руки – тем самым создав необходимое сопротивление. Я не умел это делать, но сознание вины, нет даже трусости, не покидает меня до сих пор.

Благополучно спустились и даже, в трехстах метрах от происшедшего, я нашел шапку Антона, совершенно не покалеченную.

На следующий день, преодолев мощный ледопад – длиной около трехсот метров, мы вышли, наконец-то к горной реке, которая вела нас в другой район Алтая – Катунские белки.

Собака уже стала полноправным членом нашей группы. Через несколько дней, пройдя множество препятствий: ледопады, полыньи, с неизбежной чисткой лыж от наледи, опасными заберегами, которые в любой момент могли обрушиться, ледяными пустотами, в которые можно было провалиться – мы, наконец – то, пришли к сердцу Алтая, недалеко от высшей вершины Белухи. Нам нужно было пройти очень длинный, около двенадцати километров леднику, который почти вплотную прилегал к Белухе, и от которого часто туристы начинают на ее восхождение. Но путь наш лежал на самый простой в этом районе перевал с оптимистичным названием Дружба.

Опять без связок, мы подошли к началу этого ледника, который иногда называется экзотически сераки. Этот район всегда изобилует трещинами, поскольку ледник здесь

«на изломе» - мы шли довольно осторожно. В один момент, даже по какому-то наитию, я ткнул палкой впереди себя – снег провалился, и я увидел мощную трещину. Осетров покачал головой, в его практике, пожалуй, не было такого разгильдяйства. Но я бодро обошел трещину и вот, возле огромного валуна, о, ужас, ужас, мы стали устанавливать палатку. Впоследствии я узнал, что в районе таких камней очень часто бывают пустоты в леднике.

Собака, которая прилежно шла за нами испытывала большой дискомфорт – оказывается в лесу лапы у не мерзнут, а вот на леднике, очень даже. Она часто задерживалась на вершине редких камней, пытаясь сохранить тепло, поэтому, когда мы установили палатку, одного моего жеста хватило, чтобы ринулась в нее.

Далее мы поднимались на перевал, и я с улыбкой наблюдал, как собака ловко перескакивает с камня на камень, и пока мы были еще на середине последнего взлета, - она уже была наверху. Я вспомнил напрасные усилия Сашки, когда он спускал ее на веревке.

Поход близился к концу. Пройдя живописное горное озеро Ак-кем, с которого открывается потрясающий вид на двуглавую Белуху, мы приближались к конечной цели пос. Тюнгур. Интересно было поведение собаки – она сильно оживилась, видимо предвкушая завершение маршрута, пробегая мимо нас взад и вперед.

И вот мы в Тюнгуре. Я думал, как собака воспримет новое место. Но удивление, и даже некоторое разочарование постигло меня. Она, не обращая на нас никакого внимания, присоединилась к стайке своих собратьев... и чувствовала с ними себя совершенно вольготно. Неблагодарная, -

подумал я, сознавая, что все так и должно было произойти. Она использовала нас для очередного путешествия!

Оглядываясь

Свобода, равенство, братство – главный лозунг, который являлся главной заманухой в социализм. Не получилось. На то есть огромное количество причин: Россия была не готова осуществить этот лозунг из-за своего полуазиатского менталитета, а также, влияния всего «прогрессивного запада», не допускающего наличия нового государства, с новыми принципами. Слишком много нужно было переделать в людях, чтобы оно существовало. Слишком большие были противоречия между несущими идею построения нового общества и теми, для кого мечта о «теплом унитазе» была определяющей, слишком трудно было остановить новыми рычагами банальное воровство, банальное разгильдяйство. А еще построение нового общества всегда сопровождала борьба за власть – в нашем случае за неё боролись полуграмотные, корыстолюбивые, жестокие. А эта жестокость оправдывалась высокой идеей.

Но больше всего поражает глупость наших именитых радикалов, рассуждающих о причинах неудач в создании нового государства. Ведь для того чтобы понять все процессы, нужно в первую очередь задать простой вопрос: в тех событиях могло ли быть иначе?

Возвращаясь в девятнадцатый, наряду с пышностью элиты, её высокой культурой, существовала огромная масса, совершенно обездоленная, забитая, злобная. Достаточно прочитать «Уральские рассказы» Мамина-Сибиряка, где он как никто показывает все слои общества. И благодаря

этой злобе народ революцию поддержал. Поддержал несмотря на то, что во главе стояли те самые корыстолюбивые, и жаждущие власти. И поэтому свершилась Великая революция, а не какой-нибудь переворот, поскольку это была смена общественного строя. Это был великий эксперимент, перевернувший «с ног на голову» многие человеческие ценности, оставив те, которые были дарованы Господом. Но против него, против веры, в первую очередь восстали руководители нового государства. И это имело плачевные результаты. Народ разделился на тех, кто ставил выше всего совесть, любовь, порядочность, любовь к Родине, и тех, для кого революция явилась поводом для захвата власти, для обеспечения материального благополучия.

Это явилось причиной событий двадцатых, тридцатых, событий где в верхушке власти, была борьба за ее сохранение. Тогда в конце двадцатых существовало большое количество армейских подразделений, которые работали на Свердлов, Фрунзе, Троцкого и пр. Эти руководители, по разному конечно, были жестоки к инакомыслящим – расстрелы неугодных были очень часты. И естественно, что единственным выходом для Сталина было это прекратить. Прекратить ценой огромного количества репрессий. Все можно было представить огромной воронкой, в которую засасывались, не только противники Сталина, но и их специалисты, часто случайные люди. В основу ставились доносы, которые совершали люди часто завистливые, желающих на костях других подняться. Могло ли быть иначе – нет не могло. Опыт других революций, менее кровавых, в первую очередь во Франции, подтверждают это.

Мог ли Сталин быть другим. Также нет. Как отдельная личность он не представлял никакой угрозы – таких лично-

стей на самом деле существует много. Сталина сделало его окружение – все эти Тухачевские, Кировы, Ждановы, на со- вести которых много загубленных. Особенно, из-за величай- шего цинизма, среди них выделялся Хрущёв, перевыпол- нявший «план» по репрессиям, и который в удобное для се- бя время разоблачил Сталина, оставив себя в тени своих злодеяний. Таким образом репрессии тех лет является не- кой «объективной реальностью».

Великая война расставила все по своим местам. Участник войны Муравьев, мой начальник, как то сказал: «В войне погибали лучшие». Этот горестный вывод заставляет сделать другой: «В войне была уничтожена большая часть пассионариев – людей способных на подвиг, на новые раз- работки и свершения. Эту участь мы испытываем до сих пор. Развал страны усугубил положение дел. Новые прин- ципы, провозглашенные переворотом девяностых, во главе с Ельциным, еще более исключили из оборота для многих совесть, порядочность, патриотизм.

Оглядываясь назад, следует оценить роль оппозиции. В тридцатых это был конечно Тухачевский и иже с ними, ко- торый скорее всего готовил нечто вроде переворота, и по- платился. В послевоенные годы было не для оппозиции – выжить бы. Хотя были схватки на базе Лысенко, врачей и пр. Эти деяния не очень влияли на состояние общества. Да и после смерти Сталина оппозиции тоже не было – была банальная борьба за власть, участниками которой были Мо- лотов, Маленков, Каганович и «примкнувший к ним Шепи- лов».

Впервые оппозиция заявила о себе в начале шести- десятых. Сахаров – разработчик водородной бомбы, неожиданно перешел в стан правозащитников, Солженицин со своим «Архипелагом», значительная часть содержания ко-

торого явилась ложью. Роль оппозиции стала исполнять также талантливая и пьяная тусовка: Довлатов, Рождественский, Евтушенко, Бродский, Аксенов и «примкнувший» к ним Высоцкий. Эта прослойка стала представлять реальную угрозу для государства – ведь они первые зацепились за поддержку «прогрессивного Запада», которому эти ребята подвернулись очень кстати. С этих времен началась реальная борьба с нормальной оппозицией. Началась борьба за идентичность систем. С разным успехом. В этой связи Венгерские события 1956-го, чехословацкие 1968-го являлись краеугольным камнем этой борьбы. И совершенно понятно, что все эти выступления «могучей кучки» являлись разрушающими, так как давали повод говорить о нас на Западе. Они знали на что шли. Были ли они героями – вопрос. Так как они были уверены в том, что если с ними что-нибудь случится, то поднимется такой шум, что лучше не «трогать».

События в Афганистане также борьба за свою идентичность – нужно было сохранить власть Бабраха Кармаля (Карл Маркс). И поэтому ввод войск был совершенно логичным, как это не звучит кощунственно, таким же логичным как ввод войск в Никарагуа и Гондурас.

Как чувствовал себя народ. Некто Познер, говорит, что когда впервые приехал в СССР, то его поразили «серые» лица его жителей. На мой взгляд – это позиция «не нашего человека», для которого смысл существования в комфорте и благополучии для себя. Что-то я не помню серых лиц, скорее это были озабоченные лица. А она всегда сопутствует тяжелым временам, коих достаточно досталось каждым из них.

Какими были те времена для меня? Это общение, чаще всего с совестливыми, порядочными людьми, которые

всегда придут на помощь. Это дешевые билеты в Оперный. Это нормальная медицина, это отличные преподаватели в школе и в Универе. Это, наконец, счастливые форумы на соревнованиях, колоссальный подъем самодеятельного туризма, где я стал мастером. Это мощные трудовые коллективы, жившие своей творческой жизнью.

Политика интересовала меня весьма опосредованно, - в основном это была боязнь того, что какой-нибудь дурак нажмет кнопку... Парторги, которых я знал, все были какие-то зашуганные, из-за необходимости поднимать народ на подвиг, который заключался в уборке картошки или принятии соцобязательств. Я знал несколько известных партийных деятелей. Это были также порядочные, совестливые люди.

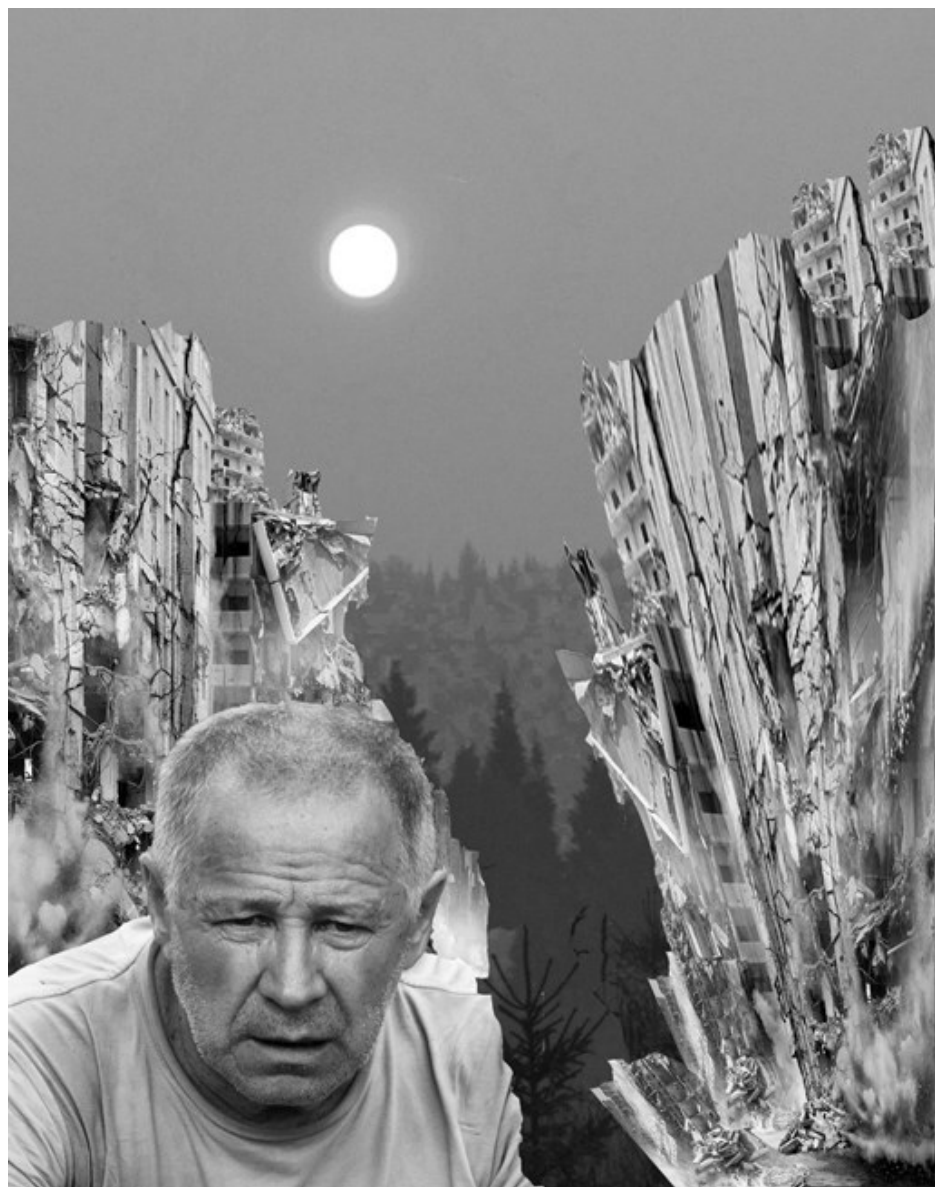
И не воспринимался этот порыв вышеперечисленных оппозиционеров – скорее всего у всех нас было равнодушие к их деятельности. Мне кажется, что, вопреки им, наибольший вклад в перестройку сознания внесли юмористы, в первую очередь, конечно М. Задорнов, который выгодно отличался от М. Жванецкого искренностью своих миниатюр и, как это ни банально, Родину он любил.

Современный мир, чаще всего противный, из-за скатывания в алчность, присвоении чужого, хочется отметить только с одной стороны – легализацией предательства. Когда-то это была самая отвратительная черта – Данте поместил предателей в девятый круг Ада. Сейчас это информаторство. Родченков, Степанова, Навальный – список этот можно продолжать и продолжать. А ведь дадут Навальному Нобелевку!

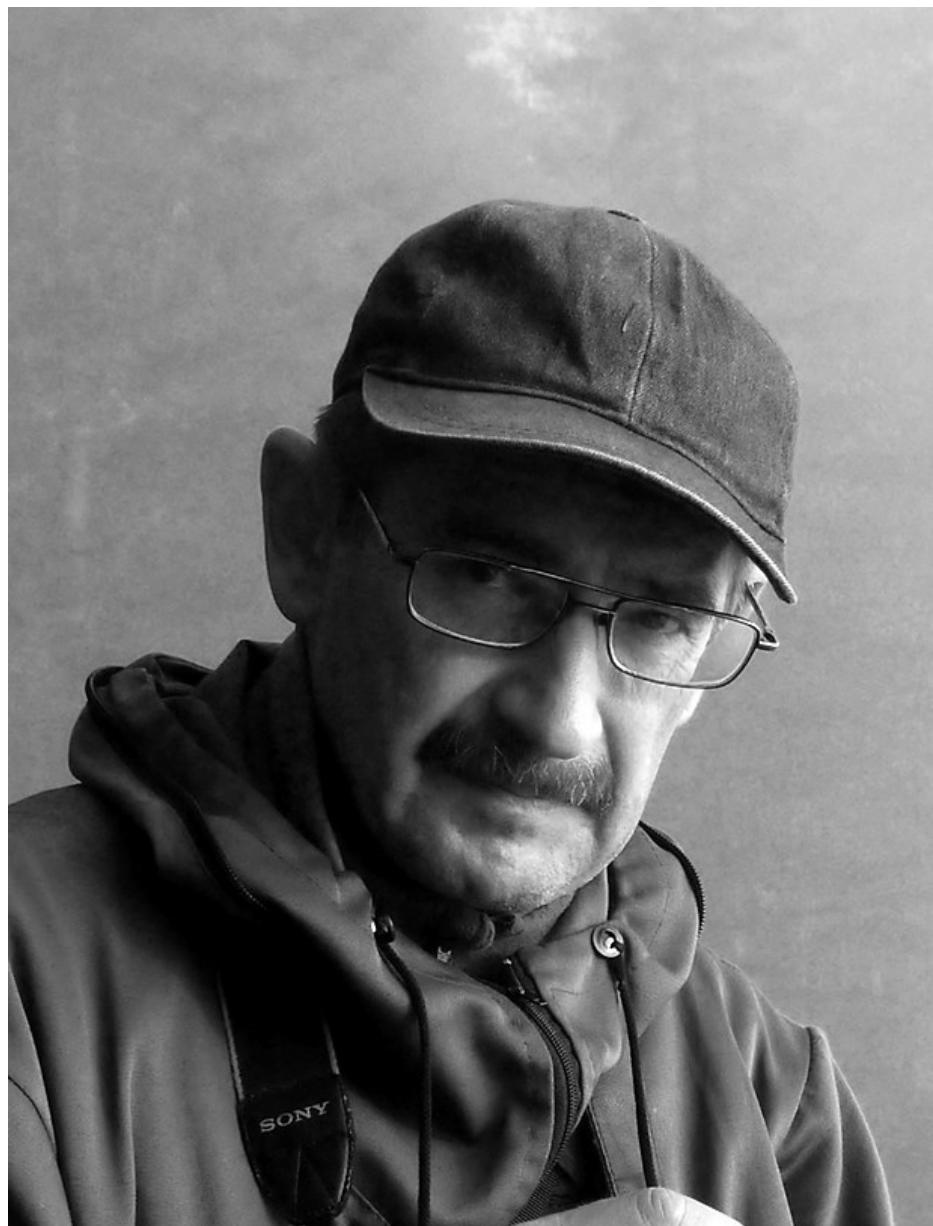
Оглядываясь в прошлое не хочется на него сетовать. И не хочется сетовать на советский строй. Ведь за всю ис-

торию Человечества был создан тип лучшего человека: дружелюбного, общительного, способного в любой момент прийти на помощь. Конечно же, понимая, что этот самый строй подчас был уродливым в своих проявлениях.

Оглядываясь, понимаешь, что детей наших и внуков ждут времена более сложные, чем это было в наше время. И с тревогой смотришь в будущее...

Приглашение на казнь

Колючий

Пущусь наугад!
Будет удача, не будет...
Первый иней лег.
И брожу я, замороженный,
Там где белые хризанте-
мы.

Осикоти-но Мицунэ

Сказки

Идеальный снимок

сказка

Увлечением некоего успешного в своей деятельности инженера-электроника из провинциального городка была фотография. В простонародье это бы называлось хобби. Считается, что каждый человек, чтобы отвлечься от рутины повседневного труда, должен иметь это самое хобби, но для названного молодого человека занятие фотографией было нечто большим, он претендовал на то, чтобы называть свои творения произведениями искусства. Более того, в случае, когда он собирался со своим другом Владимиром отметить какое-нибудь знаменательное событие, а в его практике таких случаев было довольно много, то когда они провозглашали третий по счету тост - он делал странный жест возле своего виска. Казалось, это был, быть может, даже несколько оскорбительный жест, говорящий о слабых умственных способностях друга, но это величайшее заблуждение. Оказывается этим жестом он показывал, что мнимо нажимает спусковую кнопку фотоаппарата, а если знать, что третий тост всегда поднимается за любовь, то сразу понимаешь глубину того значения, которое фотография занимала в жизни этого человека.

Кстати его звали Антон. Фотографии он посвящал все свое свободное время. Его можно было видеть в разных местах с огромной сумкой, в которой находился огромный фотоаппарат с бесчисленным количеством объективов. Если учесть, что там находились еще всяческие аксессуары, то можно было представить, с каким трудом он эту сумку перетаскивает. Он изучил массу литературы по фотографии, в числе которой и значительный труд некоего Лапина,

в котором он блестяще разбирает все тонкости композиции. Антон прочитал это труд дважды! Словом, это был настоящий фотограф, можно сказать даже с большой буквы. Несколько раз ему предлагали вступить в общество фотохудожников, но он всякий раз отказывался..., кстати, из-за некоего обстоятельства, о котором мы упомянем позже.

Его друг Владимир Березнев, Антон присвоил ему кличку «Береза», также был известным фотографом. И более того, он был фанатиком фотографии. Он как бы представлял всю историю фотографии, - в его кладовых хранились практически все фотоаппараты, выпущенные в его стране, много было зарубежных моделей. Ну, то – есть, где-то около 25 моделей! В свое время он возглавлял несколько кружков, в которых воспитал множество юных, а впоследствии маститых фотохудожников этого города. Когда случилось с ним пройти по городу, то практически каждый встречный приветствовал его, а это значит, что в первую очередь приходит в голову, что он их всех когда-то фотографировал. Владимир много выставлялся, и много раз получал за это призы престижных фотовыставок, есть даже «Гран При». Он был самым близким и закадычным другом Антона, и поэтому обстоятельство, о котором мы сейчас скажем, его сильно удручало.

Антон также снимал большое количество фотографий, но придя домой, тщательно просмотрев их, обнаруживал в них недостатки... и удалял их из памяти компьютера. Это было наваждение, но он ничего с собой не мог сделать! Антон маниакально мечтал об исключительной, совершенной во всех отношениях фотографии. Его не останавливало ни мнение маститых фотографов, которые случайно видели, пока еще не уничтоженные фотографии, и давали им

самую высокую оценку, ни сожаление от напрасно затраченного труда, ни даже увещевания Березы.

Береза, иногда, когда Антон просматривал свои фотографии, пытался схитрить, и незаметно для него, переписать замечательные фотографии, которые сделал Антон, но по воле какой-то судьбы, это оказывалось раскрытым, и фотографии уничтожались.

Кстати сказать, у Антона был еще довольно странный, но близкий друг, который жил, однако в другом городе. Звали его Николай, он даже позволял, когда его звали Колька. В отличие от Антона и Володи, он пробовал себя в различных видах творчества: также как и его друзья, фотографией, занимался стихосложением, пробовал сочинять различные истории, мнил себя неким философом. В философии он даже разработал свою концепцию мира, его взгляд на существование Бога был, по его мнению, уникален... и действительно правилен. Короче, он считал себя незаурядным. Хотя, окружающие скептически относились к его творческим исканиям.

Все бы ничего – пусть будет. Но Колька почти требовал оценить его творения, причем сильно обижался, когда их оценивали на «троечку». Для Антона, который мыслил лишь исключительно, это обстоятельство было сущим наваждением. Много раз из-за этого, он пытался порвать с Колькой, но толи из сострадания, а он был очень страждущим человеком, толи из-за того, что в Кольке угадывалась некая непознанная глубина, некая горчинка, которая притягивала его. А может просто он считал его другом, а дружба, как известно, больше чем любовь восходит к Богу, и непонятны ее причины.

Колька был путешественник. Свои путешествия он называл примитивно походы. На это есть причины, - в прошлые доисторические времена, походы считались спортивной дисциплиной. По результатам их даже присваивались спортивные разряды. Колька, так же как и Володя в фотографии, был фанатиком походов. Их он прошел бесчисленное множество. Как-то оценивая количество пройденных походов, он пришел к цифре 250. Колька был мастером спорта по походам.

Антон, в прошлые времена, повстречав Кольку, также увлекся походами. Кстати, что тут разбирать всяческие притяжения, быть может, это основная причина их с Колькой многолетнего знакомства. Было пройдено много совместных походов, и понятно, что в каждый из них он брал с собой фотоаппарат с его многочисленными аксессуарами. Просматривая фотографии Антона, Колька завидовал им. Впрочем, он относил их качество к более совершенной аппаратуре. А Антон, приехав домой, и, просмотрев все снимки, фатально их уничтожал!

Однажды в байдарочном походе, Антон с Колькой и еще одним спутником проплывали мимо живописной скалы. Вдруг Антон увидел на ней обнаженную девушку. Она настолько гармонично вписывалась в ландшафт, настолько дополняла его, в свою очередь, оттеняя его своей удивительной позой, показывая симбиоз своей сущности с природой, провозглашая их идентичность, и вместе с тем различие...

- Женщина и Природа, - воскликнул Антон, и сделал снимок. Просмотрев его, он пришел в волнение.

- Наконец-то, это исключительный снимок!

Но тут произошло неожиданное. Девушка спрыгнула со скалы и подплыла к байдарке.

-Антон, - произнесла она. - Я давно слышала о тебе и мечтала с тобой встретиться. Вот и сегодня, прослышав, о том, что ты в походе, я жду с утра тебя на этой скале, чтобы помочь тебе.

- Постановка! – в сердцах воскликнул Антон, и удалил снимок...

Прошло немного времени. Антон осенью имел обыкновение встречаться с друзьями на таких называемых скалах. Это было живописное место. Высокая, отвесная скала вдоль горной реки. Большое количество останцев в виде столбов создавали неповторимый живописный ландшафт. Сверху открывался удивительный вид на округу, на реку, на бесконечную лесную даль.

Вот поэтому Антон с друзьями, среди которых был и Колька, поднялись на эту скалу и поставили на ней палатку. Развели костер, сварили дежурное блюдо лагман по какому-то странному, выдуманному им, Колькиному рецепту. Это кушанье, быть может, было даже неприятно в употреблении, но приправленное достаточным количеством горячительных напитков, показалось всем вкусным. Было, как водится, сделано несколько снимков. Один из них снимался в великолепном ракурсе, который из-за многократного фотографирования был назван «Стандартным». Но не этот снимок, достаточно надоевший, стал исключительным.

Ночью появилась луна, она фантастическим образом прорывалась сквозь облака и отражалась серебряной полосой в реке. Открылся такой изумительный пейзаж, центром которого являлась луна и ее отражение, что он являл

некое откровенье, он объяснял в существе мира многое, долина, как бы содержала мудрость мира.

*В нем музыка струится дивным водопадом,
В нем лунная дорога вдоль реки,
Ведет меня в долины глубины.*

Антон, просмотрев снимок, восхитился, и уже хотел считать его исключительным, но вдруг вспомнил, что похожий снимок он уже видел. С сожалением Антон удалил снимок. Позднее он долго сидел у костра, глядя на его блики, понимая, что что-то фатально мешает ему жить, заниматься творчеством, как и другие. Он почувствовал себя в плену какого-то наваждения, какой-то чертовщины.

Прошло еще некоторое время. Однажды, прогуливаясь с фотиком вдоль реки, Антон увидел трагическую картину. Лебедь, который плавал по реке, пытался взлететь, но какая-то страшная сила мешала ему. Неожиданно он преодолел сопротивление и начал взлетать. Антон увидел, что в лапы лебедя вцепилась огромная щука. Это было потрясающее зрелище. Антон выхватил фотоаппарат, но то ли он это сделал поспешно, то ли был увлечен зрелищем, камера выпала из его рук и исчезла в глубине. Позднее Антон тщетно пытался достать ее, - слишком глубокое было место затянутое илом.

Антон долго переживал, купить новый фотоаппарат представлялось невозможным. Жена его Лариса уже давно ревностно смотрящая на его увлечения, выносила планы съездить с ним на море.

И вдруг Антона поразила очевидная по своей сути мысль! Раз при фотографировании и последующего просмотра он удаляет снимки, то и не зачем применять фотоаппарат. И он исключил это ненужный этап фотофотографи-

вания. Теперь он научился смотреть на предполагаемый снимок в соответствии с размером кадра..., и как бы мнимо нажимать кнопку списка. Он даже усмехнулся той параллели, когда вспомнил о том, что он изображал, когда провозглашал тост за любовь к фотографии. И с грустью даже подумал, что кто-то отомстил ему за такую демонстрацию процесса.

Однажды Антон шел по лесной тропинке. Ничего не предвещало, каких-либо событий. Он был весел, как бы забыл о тех наваждениях, которые его преследовали.

-Фотография всего лишь отражение происходящего. Как она может быть предметом искусства. Эта мысль поразила его своей простотой. И он наконец-то почувствовал умиротворение, которое возникает от хорошо сделанной работы, от добротного принятого решения. - Забью!

Неожиданно перед ним показался старик. Он был еще бодр, одет по-простому. Поразили его глаза, колкие, вместе с тем излучавшие доброту.

-Привет, Антон, - сказал старик. Я давно за тобой наблюдаю. Ты с честью преодолел все испытания, которые тебе послал некто. И я должен отблагодарить тебя. Впрочем, благодарность ли это. Ты сам решишь. Я помогу тебе сделать исключительный снимок! Но есть, как ты понимаешь, условие! Этот снимок ты не можешь показать никому! Согласен ли ты, Антон на это условие.

Антон задумался. Для чего создается творение, если им никто не воспользуется, никто не насладится его совершенством, никогда не будет упомянуто имя его создателя. Или некто, кто создал этот мир, и есть тот единственный беспристрастный и беспощадный ценитель. Быть может в

таком творчестве, такой сакральной жертве и содержится единственный смысл?

-Я сделаю этот снимок, воскликнул Антон. Старик позвал его за собой и вскоре они оказались перед долиной. И Антон увидел исключительный снимок! За счет игры света долина разделилась на бесконечное количество планов, каждый из которых представлял исключительное зрелище. На первом плане находились персонажи: люди, животные, объединенные бесконечным количеством связей, каждый портрет этого плана был исключительно выразительным за счет установленного света, оттеняющего характер. Ландшафт был представлен в исключительной композиции: иногда представлял графику, иногда тонкие, играющие многими оттенками его части.

Невозможно описать, то, что увидел и сфотографировал Антон. Как невозможно представить все окружающее нас мироздание. Можно только насладиться небольшими частями его и попытаться представить его целое. Антон сделал, наконец, снимок, о котором мечтал всю жизнь!

- Я останусь здесь, в этом совершенстве, - воскликнул Антон...

*Искусство и только искусство
не даст нам умереть от истины.
Ф. Ницше.*

Цифровой

сказка

В некоем провинциальном городе работал, служил, бегал и пр. человек. Звали его Антон. Особо знаменит он не был, однако в этом городе был на хорошем счету. В первую очередь за счет того, что он был электроник, ну, т.е. не зная, что такое электроны, а кто, кстати, знает, он управлялся с ними очень даже удачно. Везде, где эти электроны двигались, в каких бы устройствах они не были локализованы он, благодаря великой, нажитой за многие годы, интуицией... и, конечно же, за счет знаний, которые он постоянно пополнял, он всегда выходил над ними победителем. Испорченное устройство начинало работать, показывать, крутиться, светиться, нагреваться. Некоторые наблюдатели рассказывали, что при анализе неисправностей он вообще обходился без приборов. Просто смачивал пальцы слюной и, прикоснувшись к нужной точке устройства, обнаруживал - правильно ли бегут относительно нее электроны..., ну и вообще бегут или нет.

Нужно отметить, что Антон работал, служил в одной фирме, которая отвечала за информационное пространство города. Он паял, чтобы обеспечить путь для проклятых электронов, укладывал магистрали, а иногда, просто неистово тряс устройство, чтобы оно заработало. И работало, и будет работать! По роду своей службы, если вы с ним свяжитесь, он мог оказаться где угодно: в подвале дома, на вышке в сорокаградусный мороз, и вообще, чёт знает, где.

Здесь нужно отметить, что проскользнувшее в нашем описании слово чёрт, в дальнейшем, паче чаяние, приобретет особую значимость. Ведь это упоминание чуть ли не всегда, а может быть вообще всегда, ведет к определенным пакостям в нашей жизни, которые названный субъект творит, поэтому, мой совет, дорогие читатели, без особой необходимости не упоминайте это слово всуе!

Антон был человеком даже очень разносторонним. Он путешествовал, а в путешествиях, впрочем, везде, фотографировал. Человеком он был скромным и честным, и как говорят у нас, чтобы очертить круг его притяия, порядочный. Говорили, что у него напрочь отсутствует слух, но вопреки этому утверждению, он даже очень прилично играл на гитаре. Вследствие этого следует заметить, ах как мы подчас обращаем внимание на некомпетентные, дурацкие замечания в наш адрес. Того в нас нет, этого в нас не хватает, а это всего лишь снобистское желание выделиться относительно другого.

Однажды в нашем городке был сильный мороз. Это конечно не редкость для северного городка, но уж очень сильный! Антон со своим напарником, а его звали Евгений, занимались текучкой. Вошедший начальник сказал, что нет сигнала с ретрансляционной вышки – а это означало, что весь город погрузился в информационный вакуум. Нужно подняться на нее и устранить неисправность.

Антон неожиданно почувствовал, что здесь что-то не так. Ведь совсем недавно вышка была протестирована и работала. Поэтому он попытался возразить начальнику – нужно искать неисправность в другом месте.

- Испугались мороза! Оденьтесь теплее и вперед, вверх...

Делать было нечего, да Антон и не очень - то боялся морозов, сказывался опыт длительных путешествий зимой. Евгений же с опаской поглядывал на него.

Вышка находилась в четырех километрах от города на вершине довольно высокой полукилометровой высоты. К ней вела широкая лесная дорога, и когда они вышли в путь, ничего не предвещало неприятностей. Выйдя на окраину города, Антон посмотрел на ёжившегося от холода Евгения и предложил ему, что он сходит наверх один. Что мерзнуть-то! Евгений после некоторых колебаний согласился.

Дорога проходила через сказочно красивый лес. И да простят мне любители оборотов и формы, называя меня Графоманом, но я попытаюсь описать увиденное, вырвавшись из глубины, поглотившего меня восторга. Конечно, понимая, что как бы мы не старались описать красоту, окружающую подчас нас, все равно мы отразим только небольшую часть того щенячьего восторга, который нас охватывает. В этом конечно же присутствует некий сакральный смысл! Так вот.

Лес, будто терем расписной (тьфу, это же Бунин), сверкал всеми цветами и оттенками зимы. Здесь были и холодные тона, как будто весь космос воззрился на нас своим содержанием, и... много, много розового, благодарно отвечающего на блеск солнца, как будто звуки арфы, втиснутые в гармонию переливающегося света (тьфу ты, это же Рильке). Покоривший лес обильный снег, свисал с веток причудливыми фигурами: вот часовой на посту, переминается с ноги на ногу, вот бегущий заяц, вот баба-яга со своим помелом... Каждая веточка была так окружена колючей изморозью, что казалось, звенела какой-то изумительной чистотой и свежестью. Скалистые участки леса фантастически увеличивали его сиянье.

Антон шел и радовался удаче, что он сопричастен этой красоте.

Вот и вышка! Ах, вышка, сколько у рядового жителя она вызывает эмоций, ведь она указывает туда, куда устремляется часто наша мысль в поисках смысла нашего существования. Как мы радуемся, когда в беспредельном пространстве нашей Родины, на горизонте, мы увидим нечто напоминающее вышку, ее чуть-чуть блеснувший огонек, часто не зная, что она утратила свое назначение. Но для нас это не важно, этот далекий огонек для нас некий символ надежды, надежды, что за этим горизонтом окажется лучшее...

Антон посмотрел вверх – с виду все как есть, но придется на нее подниматься. Запахнув тщательно капюшон, застегнувшись, он стал подниматься на нее. Поднявшись, он проверил все разъемы, смахнул с отражателей снег и недоуменно, еще раз посмотрев на нее, попытался спуститься.

- Не будет работать!

Антон оглянулся вокруг, но никого не обнаружил!

- Кто ты? - произнес он невольно.

- Кто я? Я всегда теряюсь, когда меня так спрашивают. Один известный поэт в своей нашумевшей поэме сказал, что я часть той силы, ну там что-то о зле и благе. Вы часто оперируете такого рода придуманными категориями, в конечном счете, не понимая, что зло, а что добро. Один даже сошел с ума от того, что представил себя «по ту сторону» добра и зла. Очень близко, но как всегда из этого неправильно представили меня ваши заокеанские «друзья», которые сняли известный фильм, запихнув меня в некую матрицу. Ну да не важно, кто я. Я вообще иногда думаю,

что меня нет. Впрочем, сигнал на вышке то отсутствует, а это мои проделки.

- Зачем, - с презрением произнес Антон.

- Ну, я рассчитывал, что ты явишься сюда. Так оно и вышло. У меня к тебе предложение.

- Какое еще? – немного освоившись, произнес Антон.

- Банально звучит, но что делать, человек так все затаскал, что чего не скажешь, все уже когда-то сказано. Так вот, я предлагаю тебе работать на меня. Вознаграждение гарантирую! Всего-то, ты будешь выполнять прежнюю работу, а мне нужен человек твоего склада, мне нужен доступ к некой части человеческой сущности, к которой у меня естественно его нет. У вас эта часть, кажется, называется душа. Существует масса утилит, которые подходят близко к этому атрибуту, и современное общество уже работает на меня, но для того, чтобы осуществить мой грандиозный план мне нужно преодолеть существующую *a priori* очень сильную защиту, а это без твоей помощи сделать невозможно. Увы, сочти это за комплимент. Пойми, как там насчет блага, я сформирую глобальную модель общества, в котором будут отброшены такие категории как совесть, любовь, сомнения и прочие глупости, которыми наделил некто человека. А ведь если избавить от всей этой чепухи общество, насколько оно будет эффективным. Ваши гностики, быть может, где-то добрались до сути, утверждая, что человек – некая монада, нарушающая за счет своей сущности гармонию мира, Вселенной. Это похоже на правду, человек уже достаточно поднадоел своими претензиями на абсолютную истину. Так вот если бы удалось «причесать» его. Ну да я, похоже, утомил тебя. Как, согласен мне помочь?

- Нет, конечно. Мне нравится мир, который меня окружает – это мой мир! И те категории, которые *нам* хочешь отбросить, как раз мне нравятся, без них будет отсутствовать смысл. Глупо было бы подумать, чтобы я согласился. Зачем это мне?

- Зачем. У вас есть такой композитор – Чайковский. Ну, тот, который мучился всю жизнь во власти фантомов. Не без моей помощи, конечно. Искренний был композитор и видел много. Да ты и сам знаешь. Так вот в последней его симфонии, в четвертой части, ее еще у вас называют Реквием, в заключительных аккордах, творец все чаще и чаще вызывает о пощаде, о некоем светлом разрешении его жизни..., а получает в ответ, фагот, фагот, дыханье холодного безжизненного космоса. Это четко слышно для наблюдательного взгляда. Судя по всему, Чайковский видел, что *нам* за пределами, и что ничего *нам* его не ждет. Так вот, ты можешь рассчитывать на некоторое мое вспомоществование, ну, т.е. я предлагаю тебе некий выход из этого тупика. Не хилое, кстати, предложение.

- Нет, я тебе не верю. Ты вообще галлюцинация. Да и читал, читал я про эти бредни всяких там Майклов Ньютонов. Жизнь во всех ее проявлениях – вот награда для действительно живущего человека.

- Как знать, как знать, почему-то задумчиво произнес голос. Впрочем, ты произнес слово вера. Как-то это слово не вяжется с твоей концепцией радости жизни. Понятно, я тебе не угрожаю – это было бы весьма примитивно в нашей ситуации. Что ж я особенно и не рассчитывал, что ты согласишься. А было бы классно – я мог бы насолить тому, у кого такой «замысел упрямый».

Антон, спустившись с вышки, зашел в лес, который как-то преобразился. Он уже не видел тех причудливых форм, а цвета, которые он так тонко различал, смешались в одну холодную массу.

Когда он пришел на работу, то начальник похвалил его.

- Ну вот, все работает. Ты, как всегда, оказался на высоте!

Антон ничего не сказал, но в мыслях он до сих пор был на вышке. Галлюцинация, усмехнулся он. Надо же, наверное, принял вчера лишнего.

Прошло несколько дней. Он стал замечать, что работа не клеится. Он часто делал ошибки в тестировании, пайка сложных узлов не получалась, его часто не покидало чувство разрушающего безразличия. Он потерял свою интуицию. На столе скопилось большое количество устройств, работоспособность которых он не мог исправить. Словом, как говорится, все стало рушиться!

Окружающие заметили ее неудачи и стали к нему относиться прохладно. А в кулуарах говорили, не заменить ли его на вон того. В конце концов, произошло, вообще, ужасное – он перепутал р-п-р переход с п-р-п переходом. Это была катастрофа! И понял, что та встреча на вышке не была галлюцинацией.

- Я принимаю вызов, - в мыслях воскликнул Антон. Я буду бороться. Отныне цифра – мой враг!

Придя домой, Антон собрал все компакт диски с музыкой и выкинул на свалку, - достал из кладовки старый проигрыватель с набором виниловых пластинок. Он запустил одну из них – это был посмертный ноктюрн Шопена. И

сквозь невообразимое шипение и щелканье старой заезженной пластинки он услышал живой звук, звук величайшей тоски и жажды жизни. Он ставил все новые и новые диски и убеждался, как много он потерял, когда слушал идеальный звук издаваемый цифровой музыкой с характерным металлическим отзвуком, напоминавшем ему о холодном дыхании космоса.

Он вытащил старый пленочный фотоаппарат и стал фотографировать окружающий мир. Снимки, которые он получил, сильно проигрывали тем, которые он получала на современных цифровых фотоаппаратах, но в них чувствовался некий отклик живого мира.

Примеру Антона последовали его друзья. Вскоре можно было увидеть на свалке много дорогостоящих фотоаппаратов, проигрывателей цифровой музыки и прочее, прочее, связанное с проклятым цифровым миром. Он стал известен. Друзья стали собираться и обсуждать свои достижения, красоту мира, который их окружает.

Конечно, он понимал, что прогресс не остановишь и цифровые устройства прочно вошли в жизнь каждого. Это было противоречие, с которым приходилось смириться.

Но дела в его фирме были плачевны. Ему стали поручать самую грязную и примитивную работу: копать траншею, штробить панели для укладки кабеля, переносить устройства с места на место. За спиной его уже говорили, что нашли замену.

Прошло несколько месяцев, и наступила весна. Однажды начальник указал ему, чтобы он сходил на вышку и проверил надежность крепления отражателей. Антон вышел на околицу и вошел в лес, который встретил его неприветливо. Голые ветки качались в такт порывам холодного

ветра. Облака, то ли морось, неприятно проникали внутрь. Дорога была разбита, и приходилось постоянно стряхивать куски глины с сапог. Настроение было паршивым.

Поднявшись на вышку, Антон проверил все крепления и хотел спускаться.

- Ну что пожинаешь плоды, Антоша!

- А пошел ты к дьяволу, - вырвалось у Антона.

- Ха-ха, оригинально. Меня так никто еще не посылал! А ты оригинален!

Антон передернуло, но вдруг он почувствовал некое движение, я бы сказал, Вселенское движение. Он понял, что невольно запустил некий процесс и, как будто некое подобие анти Бозона Хиггса, принялось за работу, шла масштабная аннигиляция чего – то с чем - то. Это продолжалось не так долго, может быть вообще мгновение. Антон вдруг почувствовал необычайную легкость, ясность мышления, бывшее радостное восприятие мира вернулось к нему.

Спустившись с вышки, он вошел в совершенно другой, чем тот, что он видел утром, лес, весенний лес. Вокруг цвели подснежники, а вверху пели птицы. Многочисленные ручейки журчали, выскакивая из-под снежных островков на проталины. Синее небо усиливало впечатление возрождения.

*Когда на солнце снег искрится,
Когда немолчный птичий хор,
С шумливой речкой веселится!*

Этой ночью он крепко спал и проснулся уже поздним утром. Подойдя к окну, он выглянул из него. Солнце уже всецело правило миром. Внизу он увидел женщину и ее ребенка, который бегал кругами, визжал и захлебывался от

смеха, спасаясь от догоняющей его матери. Рядом шла молодая пара. Парень что-то важно вещал девушке, которая, прилепившись к нему, преданно и счастливо его слушала. Бабушка, сидящая на скамейке, наблюдала за действием и улыбалась. Все было в светлом и теплом тоне. Еще по не просохшим тропинкам текли ручьи. Все пробуждалось от какого-то длительного и мерзкого сна. Сердце Антона выпрыгивало из груди.

*Я человек, я посредине Мира...
Перео мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост,
Два берега связующие море,
Два Космоса соединивший мост.*

*Я говорю вам: надо иметь в себе хаос,
чтобы родить танцующую звезду.
Я говорю вам: в вас пока еще есть хаос.
Ф. Ницше. Так говорил Заратустра.*

Начальник

В одном успешном провинциальном городе на севере нашего бескрайнего государства жил некий успешный специалист в области электроники Антон. Здесь, сразу же, нужно пояснить назначение слово успешный в этом тривиальном по своему значению слове. Успешный город был успешным потому, что в наше посредственное время при слове провинция всегда представляется убогий быт ее граждан, отсутствие так называемой инфраструктуры, а главное, в провинции нет, или точнее уничтожено всякого производство материальных благ. Как выживают такие города – загадка, но куда ни глянь, в них люди не умирают с

голода... и даже в некоторых из них существует художественная самодеятельность.

Наш же город был успешным вопреки этим представлениям: в нем бурно кипела жизнь, большое количество предприятий давало, браво! конечный продукт, и кроме художественной самодеятельности, в этом городе, был всемирно известный фото клуб. Пьяные граждане, которые также, как и во всех городах бескрайнего государства разгуливали по улицам, были с одухотворенными лицами и на любой вопрос зевак глубокомысленно восклицали *in vinum veritas!*

Ах да, почему же был успешным наш Антон. Он был многогранен: занимаясь электроникой, он, прикоснувшись к электронному устройству, взывал его к работе; внимая музыке высокого стиха, он любовался его совершенством; увлекаясь путешествиями, он извлекал из них максимальную пользу для своего здоровья, ... и, конечно же, он был членом упомянутого фото клуба, причем одним из самых выдающихся его членов.

Как уже было упомянуто, Антон отвечал на работе за работоспособность всего того, что связано в его городе с электронами, ну, т.е. точнее с направленным их движением. А ведь кто не знает, что это движение – это жизнь, по крайней мере, в некой интерпретации. Антон, как будто чувствовал где и в каком состоянии каждый электрон находится. А ведь каждый, хоть немного сведущий человек знает, что их этих электронов миллиарды, триллионы и быть может ... трудно счесть. А он, каждый!

Устройств, в которых эти электроны либо мирно существовали, либо бегали как оглашенные, было в нашем городе тоже неисчислимое количество. И за каждым из них

нужно было следить, - конечно же, конечно же, он был не один на этом поприще. Особенно, среди них выделялся его напарник, Евгений... Женька!

И как везде, или, как водится, у Антона был начальник. Как известно в нашем бескрайнем государстве в любой мало-мальской организации должен быть начальник, а в организации, в которой работал Антон, должен быть а priori. Можно спросить, почему, исходя из упомянутых качеств, наш Антон не начальник? Ну, это значит не понимать нашу действительность, быть, как говорят, «ни уха, ни рыла», так как начальник обязательно должен быть несведущим в делах, которыми он управляет! Если бы он, начальник, знал, чем управляет... ну это крамола, да государство бы развалилось.

Кстати, подчиняясь некому круговороту в природе, который касался не только воды, круговорот был и в смене начальников Антона. Они сменялись, как времена года, ритмично. Но в этом ритме была некая досадная прецессия - с каждым разом начальник был всё тупее, и всё менее смыслил в деле, которое он организует. В частности один из них совершенно серьезно предложил спилить сосну, которая закрывала видимость между вышкой и фирмой. Тем не менее, благодаря энтузиазму рядовых исполнителей, дела в фирме шли хорошо. Просто специалисты научились пропускать мимо ушей некие противоречивые указания, а исходили из общего блага. Как это привычно слышать любому добропорядочному жителю нашего многострадального государства!

Думается, что раз такой Антон исключительный, то и ближайшее окружение его должно было быть таким же. Это, конечно же, частично было так. Одним из них был, не побоимся сказать - лучший друг, Береза. В прошлом также

успешный специалист, друг комсомола, он свихнулся и стал заниматься, как и все в нашем городе фотографией. Он сделал фотографию своей профессией, и даже зарабатывал на этом кой-какие деньги. Но с ним часто случался некий казус: увидев на выставке новый образец фотоаппаратуры, он тут же собирал все деньги, какие у него были, и покупал эту аппаратуру. Вследствие этого он влачил жалкое существование, а его жена Татьяна горестно думала, когда же кончится его увлечение. Тем не менее, Береза был весел, чрезмерно разговорчив, и очень переживал за своего друга Антона, когда у него случались неприятности.

Но, несмотря на такую значимость его в жизни Антона, он не будет ключевой фигурой, раздражителем в нашем повествовании. Уже более как тридцать лет он был связан с неким Николаем Фёдорычем, человеком совершенно поверхностным, занимающимся черт знает, чем, может быть вообще всем, а вследствие этого везде без всякой пользы. В следствие этого он идеально подходил под категорию «начальник». Кстати, он таким и был длительное время, и как ни смешно это утверждать, он участвовал в разработке тех систем, где упомянутое выше движение электронов многие пытались упорядочить для пользы общества. И повторяем, не понимая и не чувствуя их, имея приблизительное представление о системах, он был идеальный начальник. К счастью, не у Антона!

С ним, Николаем Фёдорычем, Антон проводил иногда свободное время, чаще всего в путешествиях. Несмотря на, отрицательные качества Николая Фёдорыча, он по-своему любил его, и даже иногда восхищался, когда тому удавалось пройти в определенном направлении без ошибок. Как ему это удавалось, остается загадкой, ведь он был совершенно несведущ в направлении человек.

Все бы ничего, но этот тип изредка, а может и часто - как быстро летит время (ах, банально) звонил Антону по телефону, ну и в самое неподходящее время. Его, быть может, можно было бы и простить, - ведь он был пенсионер и как говорят «маялся дурью».

Как назло звонок заставлял Антона за ответственной работой: пайкой оптоволокну, настройкой прибора, прокладке кабеля и т.д. Как - то раз Антон чуть не сломал голову, когда тот позвонил в то время, когда он ставил ногу на скользкую ступень телевышки, чтобы исправить очередную неисправность. И всегда было досадно. Антон брал трубку и терпеливо выслушивал бред, какой несет этот несусветный человек. Часто Антон терпеливо говорил, что перезвонит, поскольку занят, перезванивал, не перезванивал. И похоже этому не было конца! В одном из разговоров этот бездельник сказал, тоже в досаде, - а что если не браться за каждую работу, не оценив ее полезность. И вообще – нельзя приниматься за дело, «не подняв головы» - вещал Николай Фёдорыч, - ведь так можно породить монстра.

- Дык, найти работу в нашем городе непросто, – отвечивал с горечью Антон.

Как уже говорилось, зона деятельности Антона была беспредельна. И с каждым годом количество работы все увеличивалось. Увидев, что Антон и его коллеги справляются, начальник и выше начальник все делали для того, чтобы сократить количество сотрудников фирмы.

И вот на смену очередного начальника, пришел молодой, энергичный и даже, нельзя же говорить об этом, красивый начальник. Он был сведущ во всем, легко планировал работу своих подопечных, зарплата Антона и его коллег

резко взлетела вверх – словом для Антона он стал неким «лучом света в темном...».

Вместе с тем, он не мог не отметить, что в действиях нового начальника можно было заметить много странностей!

Несмотря на эффективное устранение всяческих неисправностей, введение в управление городом новых устройств для социального блага, количество проблем, однако увеличивалось. Такое впечатление, что как в сказке, в которой из отрубленной головы дракона вырастало сразу три, так и при очередной успешной реализации проекта у фирмы появлялось сразу несколько новых проблем. Вскоре, когда в перерыве изматывающей работы, Антон, закусывая шоколадкой, - он очень любил шоколад, подумал, что вместе со своими коллегами создает «нечто, что-то», уже неподвластное управлению, - систему, которая стала существовать независимо от него! И вскоре эта мысль оказалась пророческой! Управляло этой системой «Транспарантное устройство регулирования реального времени социума в SCSY спектре», в создании которого Антон был ключевой фигурой, конечно же, под руководством его уважаемого начальника.

Полагаясь на регулирование их времени, под благотворным влиянием этого устройства, жители совершали правильные поступки, были веселы и добродушны, фото клуб выдавал очередные шедевры, а художественная самодеятельность показывала чудеса искусства.

Сначала Антону всё это нравилось, но он заметил некую замутненность сознания жителей. Они были не свободны!

Ах, свобода – сколько копий сломало человечество, стараясь просто определить, что такое свобода. Здесь и «осознанная необходимость», и «мать порядка», и «свобода творчества и передвижения», и «экзистенциальная» и даже «демократия». А так как всё человечество в современном мире стремится к некой абстракции мышления, то, в конце - концов, эту многострадальную философскую категорию определили вообще просто, назвав ее просто «свобода». Как это оказалось прекрасно – сейчас каждый может определять ее по-своему. В результате власть становится совершенно бессильной, стараясь по своему определению подавить ее, - как можно подавить то, что и представить невозможно.

Но в городе не было этой свободы – она, конечно, декларировалась, но кто знает. С ситуацией в городе, можно было провести некую параллель, вспомнив некий роман одного известного, чаще о нем говорили – гениального, писателя. Один из главных героев написал в нем роман в романе, который помпезно назвал «Великий инквизитор». В нем также у жителей была отнята свобода в обмен на хлеб насущный и, они были счастливы. Появление же на арене их бытия Первопричины их существования, жители, восприняли Его приход с ненавистью. Ведь в замысле Его было дать им эту самую свободу, во всем ее великолепии. И он пришел дать им её, но им уже она была не нужна! И «Великий инквизитор» приказал ему поскорее убраться и больше никогда не появляться.

Антон уже интуитивно понимал, к чему всё приведет. Вскоре он стал оппонентом начальника. Но, увы, уже было поздно. Система работала без сбоев. Начальник уже был главой города, а в фирму, в которой работал Антон, поставили нового тупого начальника. Жители города декламиро-

вали одни и те же стихи, прославляющие начальника, город погрузился в эйфорию сытого счастья, а фото клуб с восхищением комментировал одну и ту же фотографию «За хлебушком», в которой начальник проходит через ледяные зазоры. Окультуренное пьянство было в основе их существования – они не только восклицали в экстазе *in vinum veritas*, но и сопровождали это замечательным танцем в стиле Рококо.

Однажды Антон встретил бывшего начальника и высказал ему всё, в совершенно простодушной форме. Глава язвительно усмехнулся и процитировал: «Уходи и больше не возвращайся». Антон понял, что город оказался в плену этого человека. Да и человек ли это был? Вспомнилась древняя книга, которую как истинный атеист не принимал, но которую цитировал Николай Фёдорыч. В последней главе этой книги со странным названием «Откровение» фигурирует некий «Князь мира сего» (*Иоан. 14: 30 и 16: 11 – примечание авт.*), кот орый т акже являлся причиной повсеместной деградации людей, их добровольному подчинению.

Однажды он увидел сон, в котором некое омерзительное существо, подобное тому, с которым некогда беседовал герой известного романа, кривляясь, показывая рожи произнесло:

- Задери башку, задери башку... - при этом оно злобно хохотало.

Проснувшись в поту (ах банально, банально), Антон долго не мог прийти в себя. Неожиданно он вспомнил пророчество своего спутника по путешествиям и, его передернуло, когда он уловил некоторое сходство бывшего начальника с существом, которое ему приснилось. Антон встал, оделся, сварил кофе... а потом неожиданно залез в знач-

ку, где стояла непочатая бутылка водки и одним махом заглотив ее. Все поплыло перед глазами, мир стал ирреальным, а Антон сел и заплакал.

Придя на следующий день на работу, он узнал, что приказом свыше за прогул он уволен. Оказалось, что по неизвестной, кто бы сказал, сакральной причине вышло из строя названное выше устройство. «Как будто кто-то сверх всего» испортил его так, что исправить его не представлялось возможным. Начальник сообщил наверх, что в неисправности виноват Антон, и там приказали его уволить.

STOP. NOTA BENE. Тот, кто читал так называемые произведения настоящего автора, практически всегда бросал Антона в безвыходную ситуацию, а потом, как бы, отслеживал страдания бедного Антона. Примитивно - скажет читатель, нет чтобы возвысить этого симпатичного всем человека, и на фоне этого возвышения развить фабулу! Увы, автор, соглашаясь с этим серьезным для него замечанием, считает, что чаще всего падение личности более удачно указывает на некий выход из создавшейся ситуации, некое очищение разума, ведущее к счастливому концу. «Падающего толкни», - эта неприглядная фраза знаменитого философа, как никогда охарактеризовала текущую ситуацию с Антоном. Поэтому, автор, умоляет: потерпи нетерпеливый читатель, все будет нормально!

Выход из строя такого важного для города устройства грозил коллапсом. Сейчас сразу все пошло не так. В городе пошло какое-то брожение, участились ссоры, драки, а пьяные уже не восклицали *in vinum...*, а просто валялись на дороге. Куда-то сгинул бывший начальник – наверно его повысили по служебной лестнице, наверно он стал возглавлять какое-нибудь Министерство каких-нибудь нравов и благочестия.

Новому, зашуганному от забот главе города, пришла идея срочно вызвать из главного города провинции театр для представления, которое в прошлые времена в солнеч-

ные дни июня показывали жителям города. Но сейчас же была осень, жуткая промозглая от дождя осень! Удивительно, но на скалистой горе, которая господствовала над городом, представление собрало чуть ли не больше жителей города, чем в жарком июне. На наскоро сколоченный помост выбегали окоченевшие балерины, показывая красивые сцены, и если бы предусмотрительно им не было проведено известное вливание, то не исключено, что из-за жуткого холода на сцене разыгралась бы настоящая трагедия. Особенно всем понравился известный танец, который часто показывают в провинциальной среде. Один шутник, глядя на посиневшие тела исполнительниц, даже сострил: «Танец маленьких б...ей».

Как не странно, это представление сильно поправило ситуацию в городе. Некоторые даже подумали, что искусственное регулирование времени, так нравившееся многим жителя города, не нужно. Их жизнь, хоть и не так благополучная из-за очевидной расхлябанности, казалась всем более наполненной, и не побоюсь сказать, счастливой. Как мало нужно русскому человеку для счастья!

Антон же, лишившись любимой работы, не знал к чему приложить руки. Катастрофически не хватало денег, - он пробивался случайными заработками, перестал заниматься в фото клубе, забросил путешествия и, стихи его уже не волновали. Он обходил место своей бывшей работы стороной, а на непрерывные звонки Женьки не отвечал. В ум приходила всякая чепуха:

*Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел - катиться дальше, вниз*

Однажды, проходя в некотором отдалении от вышки, он неожиданно встретил Женьку, который был несказанно рад встрече. И вообще выглядел он совершенно не зашуганным, уверенным в себе, глаза его излучали доброту. Он рассказал, что дела в фирме пошли в гору, работа упорядочилась, что злополучное устройство, из-за которого Антон потерпел, решили демонтировать... и что он вообще начальник.

Женька тут же предложил Антону вернуться на работу. Ведь теперь она была творческой и не содержала глупых указаний начальства, которые вопреки здравому смыслу приходилось выполнять. Женька оказался хорошим начальником. Антон, благодаря своим душевным качествам не старался его «двигать локтями» и не стремился наверх.

Антон вспомнил и Николая Фёдорыча. При всей «абсурдности его существования» он оказался каким-то провидцем. Но, тут же Антон отбросил зловредное размышление: «Дело нужно делать!»

*Он не его принимает,
Он мир его принимает*

*The names are fictitious,
the coincidences are not random*

Бушующая река

сказка

С Николаем Федорычем Антона связывает «походная» дружба. Еще в 1989-м, т.е. более 30 лет назад, он после небольших вылазок с рюкзаком на лыжах, сразу был записан участником в лыжный поход 5-й категории в Верхне-Ангарский хребет, кстати, заявленный на Чемпионат

СССР. Включение Антона в состав участников под руководством Николая Федорыча было очень даже странным, так для участия в таком походе он должен был обладать определенным опытом, немалым кстати. Но здесь, как потом это подтвердится, Николай Федорыч обладал некими мистическими свойствами, благодаря которым он преодолел преграды маршрутной комиссии, которая утверждала этот маршрут со всеми заявленными участниками.

Авантюренность этого похода, - ведь маршрут проходил по страшно лавиноопасному району, опять же благодаря некой сакральности предприятия, не принесла никакой беды – поход завершился преждевременно, но без последствий... Просто в самый критический момент обострилась кровоточащая язва одного из участников Димыча, поход пришлось прекратить и все благополучно вернулись домой. Удивительным оказалось то, что кричащая язва Димыча, после того как все уселись в поезде, перестала болеть. Странно, подумалось бы, но опять мы забываем о неких свойствах руководителя, благодаря которым и с ним, и с другими, и здесь, и впоследствии, ничего серьезного не случилось. А ведь случаи были уникальные. Но об этом потом.

Антону Николай Федорыч понравился, более того, он как-то своеобразно полюбил его. Вследствие этого, все его достоинства превозносились до небес, а недостатки, извините за банальность, являлись неким их продолжением. Николай Федорыч в своих частых рассуждениях цитировал высказывания из различных источников: из Библии, из Камю, из Достоевского, и из черт знает чего... и даже себя он цитировал. Из этого Антон заключил, что он читал практически все. Правда указанные цитаты грешили сильной неточностью, часто смысл их переменялся на противоположный, но как объяснил сам Николай Федорыч, он вбирает смысл

сказанного в себя, по - своему осмысливает содержание, и как бы, автором его становится он сам.

Он мог неожиданно в тишине снежного безмолвия заорать победную тему из девятой Бетховена, затем перейти на Мурку, или процитировать кусочек современной музыкальной миниатюры. Все это он делал с заметной фальшью, но выходило очень даже мило. Он рассуждал о живописи, декламировал даже какие-то стишки; неплохо, но как-то привычно однозначно фотографировал. Все это, несмотря на некачественный контент, нравилось непритязательному восприятию Антона. Словом для Антона Николай Федорыч был авторитет.

С ним они прошли очень много простых и сложных лыжных походов. Более того, ночлег проводили в одном спальнике. Так в лыжных походах бывает часто – ведь, находясь вдвоем в одном спальнике, участники создают общую зону тепла, позволяющую более сносно перенести холодные и очень холодные зимние ночи.

Николай Федорыч, был фанатиком туризма, даже мастером спорта по туризму, у него даже есть серебряный значок мастера, но, увы, все эти утверждения опять можно приписать некой мистике. Ведь всем известно, что наяву не существует такого вида спорта, да если бы и был, то с такими достижениями относительно его коллег мастерами не становятся.

Ну, фанатик, так фанатик. Справедливости ради, нужно сказать, что Николай Федорыч грезил походами. Однажды, в каком-то году, он сходил в 12 походов! Это еще более удивительно, если знать, что он работал в режимном НИИ на ответственной должности. Как он совмещал науч-

ные изыскания с бесчисленными походами можно тоже приписать только мистике.

Он сам шил палатки, штаны, бахилы..., конструировал печки, окантовывал лыжи и черт знает чем занимался, чтобы удачно сходить в поход. Кстати, и это нужно причислить в плюс, все эти новации располагались не только на него, но и для других, сначала даже для большого количества участников походов.

Как уже было сказано, участников походов под руководством Николая Федорыча было довольно много – через его методы за много десятков лет было просеяно, быть может, 30 или 50 участников. Большинство из них, благодаря сложному характеру руководителя и, как казалось, невнятному руководству отсеивались. Оставались самые терпеливые, - они благосклонно относились к импульсивным «шокирующим» выходкам главного, которые, несмотря на старания предотвратить их, не заставляли себя ждать. Среди них был умный Витюля; прямолинейный, но хороший друг Гоша; общительный, разгильдяистый Димыч; развеселая и вместе с тем сонная Ольга; рассудительный, но взрывной Леха; своевольная Надька. Представить такую группу дисциплинированной, ну в рамках похода, конечно же, сложно. Сладить со всеми названному главному было подчас сложно, что, конечно же, волновало и даже убивало его. Ведь до эпохи Антона он ходил в спортивные походы, где дисциплина диктовалась *a priori*.

Все они были сплочены вокруг Николая Федорыча, но мечтали уйти из под его пресса. И вот здесь все более и более обозначалась фигура Антона – умного, в противовес Николаю Федоровичу, спокойного, уравновешенного, в отличие, от импульсивности руководителя, а главное, спокойно сносящего все вольности подвижного состава. Образова-

лась даже «антипартийная группа» в составе Димыча и Ольги, которые открыто заявили о желании заменить руководителя. Но! Антон не замечал всех этих инсинуаций, и они, эти заявления, естественно затихли.

Походная дружба Антона с Николаем Федорычем все разрасталась. Они несколько раз в разных составах побывали на одном диком бурятском курорте, прошли весь Алтай, все зоны Урала и др. Сходили даже в несколько летних походов. В ходе их блужданий, была применена особая форма организации биваука, когда костер обустроивался так, что он находился на уровне пояса дежурного и пытающихся пролезть погреться участников. Разработана система питания, когда в походе отсутствовал завхоз, все варки готовились дома, а дежурный сам определял, что он будет готовить.

Антон благосклонно принимал все это, в том числе, бог знает, откуда, возникавшие мысли Николая Федорыча, которыми он спешил поделиться. Справедливости ради, нужно отметить, что мысли эти были неинтересны окружению Николая Федорыча, и поэтому Антону приходилось отдуваться за него – ведь деться-то было некуда.

Николай Федорыч понимал это, он и сам тяготился собой, вообще своим существованием. Его ироничное многостороннее высказывание: «Подавлен абсурдностью существования» имело под собой некую почву. Николай Федорыч говорил, что в своей жизни он покорил много вершин, но все они были невысокими - плохими. Это он иллюстрировал словами: я самый плохой начальник сектора, самый плохой отец – у него были сын и дочка, которых он «бросил», самый плохой мастер спорта, самый плохой почетный член федерации, самый плохой фотохудожник, и... трудно перечислить, где он был самый плохой.

И, конечно же, он был самый плохой философ. Тем не менее, философия была его страстью. Более того, он в шутку, в шутку... завещал написать на его могиле – философ. Его философия была совершенно бесплотной. Он напрочь отринул всю ее пользу для общества. Прежде всего, его мучила загадка, его Николая Федорыча, существования. «Зачем», - этому слову он всегда придавал сакральный смысл, зачем, когда самым оптимальным состоянием мира является его отсутствие, по крайней мере, в его энергетическом аспекте, он, этот мир существует, в такой безграничной благодати, в такой безграничной полноте, в такой безграничной противоречивости. Как так: мир подчиняется огромному количеству открытых и неоткрытых законов, а отсутствует закон их объединяющий!

И естественно здесь было никуда не деться без наличия Бога, высшей надчеловеческой сущности. Мысли, конечно же, не новые – ведь над этой загадкой билось бесконечное количество мыслителей, и естественно, были сделаны определенные выводы, описанные в многочисленных источниках. А вот никак, - конструкции Николая Федорыча, как у некоего неандертальца, практически делались с чистого листа. То ли он не понимал смысл того, что написано в этих источниках, то ли что-то понимал, но это его не устраивало.

И вот мыслями, испеченными им самим, делился Николай Федорыч со своим другом. Антону, который в изначале был атеистом..., иногда было интересно, но чаще тягостно слушать бред, который нес его спутник. Он даже пытался отставать, или наоборот ускориться, чтобы сбросить эту тематику, но... пожалеет его.

Прошло несколько лет, а может даже несколько их десятков, - Антон все больше и больше набирался опыта

лыжных, и не только лыжных, походов. Он легко разводил костер, ловко обустраивал бивак, легко и быстро преодолевал многочисленные препятствия, которыми всегда наличествует сложный лыжный поход. Участники похода, все чаще, замечали, что Николай Федорыч, делает непростительные ошибки, которые Антон исправляет. Вот тогда у них возникала мысль заменить этого поднадоевшего лидера. Но как, уже говорилось ранее, Антон пытался не замечать ляпы, которые делает его друг.

Но, увы! Под лежащий камень... Антона стало размышлять его восторженное восприятие Николай Федорыча. Конечно же, вся организация, планирование, реализация похода как целого, ложилась на плечи его друга, и пока его достоинства в этом аспекте Антоном не подвергались сомнению. И еще, конечно же, он не забывал отметить тот аспект, что когда течение похода проходит нормально, без сильных происшествий - невольно снимается значимость руководителя... и на первый план выносятся незначительные детали.

Но он стал замечать, что рюкзак Николая Федорыча на выходе всегда по размерам меньше, чем у других и более того, легче. Несмотря на объяснения, что он берет самый выверенный опытом минимум, сомнения, как основная черта истинного интеллигента, все чаще одолевать его. Когда организовывался бивуак, то Николай Федорыч толкался возле палатки, устанавливая ее, вытаптывал яму возле костра в то время, когда другие брали на себя самое тяжелое бремя заготовки сушняка для костра и печи.

Но самое главное, он стал замечать удовлетворительное течение мысли Николая Федорыча. И здесь, к тому же, появилась еще одна заноза. Николай Федорыч занялся сочинением стихов, причем не самых обычных, а сонетов. В

своей «стихотворной практике» он составил довольно большое количество так называемых сонетов. Все они тянули на троечку и Антон прямо ему об этом говорил. Николай Федорыч, как истинный графоман, сильно переживал такую оценку. Он даже пытался защитить свои творения, утверждая, что в его сонетах, даже в отличие от самого Шекспира, соблюдены все правила их сложения: теза, антитеза, синтез... и о, ужас, Николай Федорыч собственноручно добавил в правила сочинения сонетов некую квинтэссенцию, ну, т.е. вывод. И более того, он ставил мысль, отражающую противоречивость мира, слияние и выводы из этого главной целью своих сочинений. Он говорил: «сонет, это стихотворное, концентрированное отражение мысли». И приводил в пример неяркие, подчас скучные, сонеты Гессе, Борхеса, Рильке. Словом в своих сонетах он как истинный философ отражал свое видение мира. Антон соглашался со всеми этими доводами, но все равно - троечка! Антон же в противовес, тому, что насочинял Николай Федорыч, любил талантливо сочиненные стихи, и как многие их любители, видел, насколько в них восторженно отражено впечатление от объекта, настроение, характер сочинителя, насколько мысль отражена в различных оборотах, - словом стихи, которые он любил, были «песня»!.

Справедливости ради, Николай Федорыч и сам с ним в душе был согласен. Поэтому он редко предоставлял свои творения на суд публики, а когда предоставлял, то получал в ответ чаще всего насмешки. Одна сановитая дама даже обозвала его творения г...ном. Теперь понятно, какой волей обладал Николай Федорыч, продолжая сочинять новые сонеты. И как эта воля способствовала удачному течению походов.

Nota bene: Читатель, наверно уже понимает, что автор, совершенно скрытно, ненавязчиво, испытывает некую симпатию к бедному Николаю Федорычу. И испытывает некоторое сожаление, по поводу отношения Антона и других в посредственном отношении к его творчеству. Ну что, что графоман, что, что неважный руководитель, что, что... Ведь во всем этом он, безусловно, творческий человек, а творчество – это в первую очередь страсть, дарованная богом, а значит, бесконечна в своих достижениях. А потом... Ван Гог.

Прошло несколько лет и костяк, который составлял боевой состав группы, начал распадаться. Ушел самодостаточный Витюля, связался с кришнаитами Гоша, который затем присоединился к группе знаменитого путешественника, ушла и Ольга. По семейным.

И ясно было, что «ружье, которое...». И вот перед очередным сложным походом Николай Федорыч сломал ребро, - тоже мистика в своем роде, поскользнулся на ровном месте, упал навзничь, а сломал ребро. Так бывает... у стариков. И группа, наконец – то, сменила руководителя – им стал Антон. Действительность оказалась еще хуже, чем предполагал Николай Федорыч. В поход сходили очень удачно, и все участники отметили высокий стиль руководства Антона – как-то в организации, как-то во взаимоотношениях. Димыч даже высказался, что это был лучший поход в его жизни, поскольку в нем не было Николая Федорыча. Это бы и ничего. Но сам Антон понял, что ошибался в исключительных качествах своего друга.

Но Николай Федорыч пытался сопротивляться этим сомнениям. Антон же, понимая это, усиливая натиск. Все вольные высказывания его друга уже подвергались немедленной корректировке, его ошибки тут же комментировали.

лись. Придуманная Николаем Федорычем система питания подвергалась сомнению – появился статус «вкусняшки», который не укладывался в аскетический идеал похода, обязательное чередование дежурств также подвергалось сомнению. И общий спальник оказался для него неким рудиментом – ведь всяко удобнее спать одному, только нужно, чтобы спальник был потеплее.

Соппротивление Николая Федорыча было пораженческим и в интеллектуальной сфере, и даже в научной сфере. Дело в том, что он по образованию был физик, ну точнее металлофизик. И даже, можно сказать, большую часть своей жизни работал по специальности, т.е. с металлом. Он безуспешно, в течение двух десятков лет, пытался автоматизировать проектирование процессов горячей штамповки иковки. А ведь тот, кто бывал в хаосе кузнечно - штамповочного цеха, очень сильно подивился бы, что возможно заниматься в этой сфере.

Это бы ничего, но Николай Федорыч относился к любой науке весьма специфически. Он, как бы выразиться, очеловечивал ее. Допустим, когда он сцепился с Антоном по поводу определения электрического тока, утверждая, что направленное движение электронов (Антон не преминул тут же поправить – заряженных частиц) это весьма странное определение, и вся эта планетарная система... условна, то Антон обрезал, что это движение электрического поля со скоростью света. Бедный Николай Федорыч подумал: как это поле со скоростью света «почувствует», что ему нужно «бежать» туда, да еще и успеть «пробежать» туда. Но, увы, не сказал ничего...

Словом мир Николая Федорыча, его ценности, рушились в глазах его друга...

Тем не менее, ходить Антон с ним не перестал. И более того сформировалась группа в достаточно сложный горнолыжный поход. Участниками под главенством Николая Федорыча, кроме Антона, были уже немного постаревший, и уже смирившийся с участью быть с главным Димыч, все тот же Леха, все та же Ольга.

Маршрут на редкость красивый, на редкость без каких либо происшествий, уверенно стремился к своему апогею. Уже не стал так тяжел рюкзак, уже были привычны холодные сборы, уже терпимо было «топтать» лыжню. Словом была такая пора, когда тяжести похода гармонично уживались с бесчисленными радостями от него.

Перед стоянкой, которая располагалась на противоположном берегу и манила своим уютом, они преодолели горную реку, бурное течение которой просматривалось в открытом ее участке. Николай Федорыч весьма опасно выбрал путь по заберегу, который как раз висел над этим участком. Антон представил, как это все обрушится... и пошел в обход по более ровному участку. Все оставшиеся естественно последовали за ним. И тот, и другие благополучно реку преодолели.

Стоянка оказалась действительно великолепной! Вскоре запылал костер, установлена на бесснежной полянке палатка, сварен шикарный ужин. Для этого была открыта банка тушёнки Grodfut, - лучшая из всех лучших. Была разлита увеличенная пайка разведённого по науке спирта. Такие стоянки и запоминаются очень сильно и, быть может, ради них, преодолев огромное количество препятствий дня, и ходят в лыжные походы. Они, как бы, были некой «квинтэссенцией» дня, являясь его логическим завершением.

Николай Федорыч был весел, все, по его мнению, было в гармонии. Но куда-то уходил в своих мыслях.

После ужина, совершив обязательный ритуал, забрались в палатку, зажгли печку, ощутив восторг от своего «существования».

Вскоре все заснули, заснул, кажется и Николай Федорыч – он часто засыпал последним, переваривая все радости и горести похода.

Ночью Антона мучили кошмарные сны, он перед пробуждением даже запомнил один из них. В нем река, которую они перешли вчера взбунтовалась. Было страшновато видеть, как бушующий поток увлекает за собой огромные льдины, вывороченные деревья, и даже огромные камни... Вдруг, он явственно в это потоке увидел до боли знакомое лицо. Оно, как фотография, не меняло своего выражения, и, как бы, не замечало потока, в котором находился.

Проснувшись, Антон с улыбкой вспомнил откуда-то всплывшую цитату: «ночных глубинных рек». Нужно было разжигать печку, и идти варить завтрак – он сегодня был дежурный. Спутники его и Леха, и Димыч, и Ольга мирно спали. Антон, к своему удивлению отметил, что центральный кол сильно сдвинут в сторону от Димыча, и он с огорчением подумал о себялюбии своего походного друга. Одевшись, Антон выбрался из палатки, - уже светало. Река за ночь не изменилась, пришлось долго пробираться в ледовом хаосе, чтобы набрать воды в котелки.

Засмотревшись в огонь, Антон почувствовал, что что-то его тревожит, что-то он пытается вспомнить. Но вспомнить не может. Вдруг теплый, нежный ветерок, как-то окружил его, влился в его душу. Он задумался, жалея о чем-то безвозвратно потерянном.

Вскоре вышли и его друзья, спутники, с которыми он прошел много, много походов. И внезапно, посетившая его тревога как легкое облачко, улетучилась... Впереди виделся в радужном ореоле и поход, и...

Nota bene. На этом рукопись прерывается. Как, воскликнет читатель, добравшийся до этого места. Как, а что дальше?. И автор приносит свои извинения. Ясно, что если сказал А, говори Б. Но, наверное он, автор, предлагает читателю самому экстраполировать происходящее. А потом, может быть, это всего лишь убогий плагиат у Ф. Кафки. Но тут неожиданно, совершенно независимо от автора пришло некое ожидаемое продолжение. Автор приводит его ниже.

И тут кто-то словно пнул его ногой. С трудом открыв глаза, Антон ничего не увидел вокруг, было темно, тихо и немного холодно. «Хоть не в аду» - пронеслась было самонадеянная мысль. Сначала появились звуки. Первые пташки негромко пробовали голос, еще очень робко и несмело. Кто-то посапывал почти рядом. Слышались звуки ветра и колыхания веток. Потом стали проступать какие-то световые пятна, сначала непонятные и бесформенные, затем уже более отчетливые. «И кто под тяжестью прикрытых век не различит игру вечерних бликов...» - пронеслось в голове - «Черт, откуда это?».

Понемногу отходя ото сна, Антон начинал понимать, что он в палатке, в походе, сопят его друзья, а пнул его Николай Федорыч, случайно, во сне. Но не случайно, конечно, как всегда у него – потому что уже утро, а Антон дежурный и надо вставать и разводить костер, готовить завтрак. Медленно, стараясь никого не задеть и не потревожить, он выбрался из палатки, попутно обуваясь и одеваясь. Рассветный сумрак был еще густым и синим, но вокруг уже виднелись очертания суровых и красивых гор. Антон на несколько минут замер, заворужен-

ный и самой картиной и её масштабом, подчеркнутым сумеречным рассеянным светом. Еще было видно несколько звезд в морозном, светлеющем небе, некоторые из них отражались на чистом льду небольшой реки. Вчера Николай Федорыч очень удачно выбрал место для стоянки, на опушке леса, у реки, с видом на горы. Уже брезжил за горами рассвет, где то на востоке, за хребтами светлел горизонт.

Однако, надо было дежурить и он начал потихоньку заниматься обычными делами – надо было развести костер, принести льда и начинать готовить. «Что это мне такое снилось то сегодня?» - думал он во время всех этих нехитрых действий. «Река какая-то, все несется...потом Шекспир, металлы, сонеты, сломанное ребро, Бетховен, философия, печки, походы, абсурдность существования, а, главное – Николай Федорович, его лицо. Это что – моя жизнь будущая приснилась?» - думал Антон, помешивая жидкий и противный геркулес - «Да собственно, весьма неплохо, коли и так».

Рассвет, меж тем, набирал силу, первые лучи солнца показались над красивыми, остро очерченными вершинами Верхне-Ангарского хребта. Свет разливался в морозном утреннем воздухе и начал наполнять собой даже темные пятна леса и лощины. Появлялось разноцветье. Птицы щебетали все громче и звонче, подлетая все смелее к просыпанным неуклюжим и восторженным дежурным овсяным хлопьям на снегу у костра. Звенел март 1989 года, весь поход еще был впереди, как и вся жизнь...

Колька - ориентировщик Фото Т. Фёдоровой

Таня

Отец

Мама

Колька с Мамой

С дровами

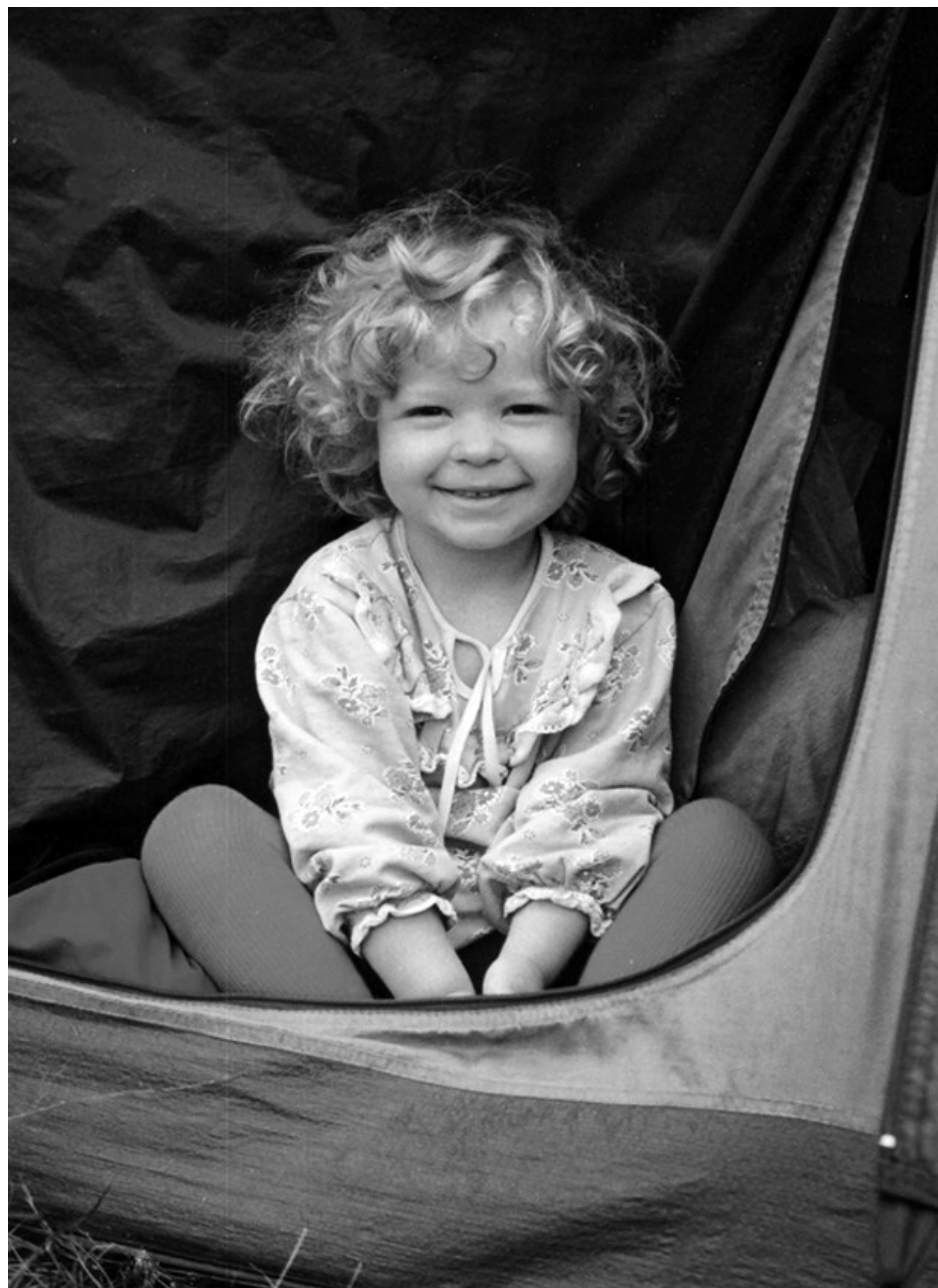

С днем рождения
 Тата Милая! родная!
 желаю тебе много здоровья и счастья в жизни и
 труда. Мирной жизни давай
 главное чтобы она у тебя была
 всегда радостной и спокойной
 на даче родн. твою маму
 пожелая Карточку подарить дачу
 пожелать

Последнее письмо

Беспристрастный взгляд

Хорошо!

За наносекунду до

Сестры с Колькой

Прыжок

Катя 2003

Сашка—ориентировщик

С Антоном и Степанычем

Денис Летов

Российский Азимут 1985 Фото А. Нурисламова

Анекдот

Каскад

С бабушкой Александрой Прокопьевной

Со старым Колькой

Настенька Фото Е. Зайцевой

Без названия Фото Е. Зайцевой

Ванька Фото М. Трубиной

Портрет в Solaris

На скамейке у дома

Друзья

Семь Я

Отец

Мой отец Федор Васильевич родился 8 февраля 1902 года. Жизнь его была многострадальна, ярка, противоречива из-за временных перипетий и по христиански праведна. Приходится признать, что у нас не принято было расспрашивать о жизни родителей, а они, в свою очередь, не рассказывали. Причина, быть может, таится в том страхе, что что-то узнают, ... и посадят. Этот страх я впервые почувствовал, когда мой брат Серьга прибежал из школы и продекламировал: «Берия, Берия вышел из доверия, а товарищ Маленков напинал ему пинков». Тогда отец страшно побледнел... и не наказал Серьгу. Слишком была высока цена его выступления.

И тем не менее. Первые воспоминания у него о своей сестре Екатерине, которая куда-то сгинула, убежав с каким-то белым офицером, - они остались у отца Василия двое: Оксинья и он, Федор. Жили они в деревне Самково, которая была расположена через овраг от деревни в сотню изб Трубино. Эта деревня была как-бы фамилию образующей – значительная часть жителей имела фамилию Трубины.

Жизнь их была налажена. Это была нормальная крестьянская жизнь: у них было 11 десятин земли, гумно, овин, сеновал, на который можно было заезжать на лошади. Я в пятидесятых годах, еще совсем маленький, ездил с отцом на его родину и видел всю грандиозность всех их построек, которые были результатом их неустанного, с утра до вечера, труда. Естественно, революция сломала этот налаженный быт, но они были законопослушны и приняли новые условия жизни. Тем не менее, многие односельчане зарились на их благополучную жизнь и, вскоре это вылилось в трагедию. Среди этих других особенно выделялся Тимка –

пьянчуга и бездельник, изба которого была с земляным полом, а нужду он справлял прямо в избе, отворотив доску над ямой.

В 1925 отца забрали в армию, в Красную армию, и направили в Туркестанский фронт на борьбу с басмачами. О службе в армии отец рассказывал, но я уже помню очень мало. Говорил о длительных переходах по пустыне, и о том, что от жажды им давали соленую рыбу. Говорил о басмачах, которые неожиданно нападали на конях, размахивая в руках чем-то вроде пращи. Отец говорил, что это было страшно.

Отец знал грамоту. Когда он вернулся из армии, то неожиданно стал председателем поселкового совета. Он прилежно выполнял хозяйственные мероприятия, делил покосы, вел строгий учет. Но в один момент пришел мужик в кожаной куртке и сказал: «Уходи». Отец собрался и вышел. Уже тогда он понимал всю тяжесть последствий какого-либо протеста.

У отца была еще лошадь, которую вскоре забрали. Над ним нависала опасность раскулачивания. Никого не интересовало, что отец вкалывал с утра до позднего вечера и вследствие этого жил нормально! Тот мужик, ставший вместо него председателем, как-то сказал, что он не потерпит присутствия отца в деревне. И вот наступил момент, когда отцу кто-то сообщил, что за ним придут!

Он потом описывал, как он стоял на пригорке с беременной Тасей матерью, с одной полевой сумкой. «Слезы лились сами собой»...

Он приехал в Пермь к своим дальним родственникам, которые жили Закамой. Было бы странно предположить, что его приезд остался незамеченным. Просто удивительно

просто он оказался частью той необходимой рабочей силой, которая нужна была для развивающегося индустриального города. Его «кулацкое» прошлое было мгновенно забыто. Более того, в начале сороковых он уже был «ортодоксальным» коммунистом, свято веривший в светлое будущее.

Приходилось ютиться на полатах, постоянно чувствовать пресс лишних людей. Но не выгнали! Сначала отец работал коновозчиком на лошади, которая назвалась Мальчик. Впоследствии Колька Романов, мой сосед, отстриг этому Мальчику хвост и, почему-то легко отделался. Затем отец, наконец-то получил профессию, - он стал электриком в Пермских, затем Молотовских электросетях. Для работы приходилось переправляться через Каму на частной большой лодке с мотором, а зимой по льду. И вот однажды ранней весной, как только Кама вскрылась ото льда, он опоздал к переправе, лодка уже отправлялась, она была переполнена. Он попытался забраться в нее, но лодочник категорически отказал. И, о, судьба! Проплыв несколько сот метров, лодка перевернулась и все погибли в ледяной воде!

Впоследствии отец вышел в передовики, а потом несколько переменил квалификацию – он стал ремонтировать трансформаторы. В войну он получил броню и денно и нощно восстанавливал пробитые пулями, снарядами трансформаторы. Здесь приходилось на «коленке» пересчитывать количество витков на входе и на выходе, для того, чтобы обеспечить нужное напряжение. Семья трудно сводила концы с концами: тогда кроме Таси, были Витька, Райка, Серьга. В 1944 Тася пошла на работу в Гортоп, четырнадцать лет отроду.

В 1946 году случилось ужасное: ремонтируя шести киловольтный трансформатор со своей напарницей, отец

сказал ей, чтобы она включила рубильник. Она включила, но не тот! Из щита посыпались искры, отец сильно испугался, но это не помешало ему быстро восстановить электросеть. Но в результате этого короткого замыкания остановилась на 15 минут горнозаводская железная дорога. По тем временам это могло грозить даже расстрелом. Но здесь случилось непредвиденное – весь коллектив электросетей встал на его защиту, и моего отца отстояли. Он отделался выговором.

В 1952 году отец решил строить новый дом Закамой. Руководство Молотовских сетей за заслуги перед организацией предлагало ему трехкомнатную квартиру, кстати, в здании нынешнего Пермэнерго на Компресе. Он отказался: «Куда я с такой семьей, придут все и будут стоять, нет, я буду строить свой дом». У него даже в мыслях не было построить дом и... взять квартиру. Ну, т.е. как бы сейчас сделал бы каждый здравомыслящий обыватель!

К тому времени он уже был честным коммунистом, не верил в Бога, хотя неукоснительно выполнял все христианские заповеди, знал все христианские праздники и праздновал их. Его неверие и не было неверием, поскольку, в отличие от многих верующих, он Бога видел, чувствовал его благодать. Впоследствии, когда он читал труды Александра Меня, а это было уже в 90-х годах, я помню, он воскликнул: «Так в такого Бога я верю».

Выйдя в 1962 году на пенсию, получив в подарок телевизор, он стал заниматься подсобным хозяйством. Жизнь, наконец-то входила в привычное русло. Пенсии хватало, можно было заниматься, чем хочешь. Часто мы, братья, «радовали» его своими разводами, - сильно он переживал это, но принимал это стоически.

В 1969 году умерла мама. Ее смерть не была неожиданной – она много лет болела гипертонией, болезнь, которая, как бы, появилась неоткуда, и которую лечить то не умели, да и нечем было. С мамой у отца была связана практически вся жизнь, они вместе преодолели все трудности... и жить бы. Отец сильно переживал, но не показывал этого. Но я помню, когда залез на печку, где он лежал – его лицо было залито слезами...

К концу жизни отец обретал внутреннюю свободу, выражаясь по современному – экзистенциальную. Когда страна разваливалась, то для населения трагическим было потеря практически всех накоплений – у отца они были. Гробовые. И когда ему посетовали: «Вот, все пропало» - отец неожиданно спокойно ответил – «Сколько раз у меня все пропадало!».

У отца в начале было два страстных увлечения – фигурное катание и выращивание гладиолусов. Трансляции фигурного катания он не пропускал, знал все его элементы и имена фигуристов. Он с жаром обсуждал «тройной тулуп» и пр... и страстно болел за своих любимцев.

Гладиолусы он выращивал роскошные: махровые, черные, розовые, красные. Дарил их всем и продавал... у ЦУМа. Однажды его застали за продажей какие-то функционеры: «Старик, уходи отсюда». Отец оставался на месте. Тогда они посадили его в машину и повезли. Отец расхохотался: «Ну, и куда вы меня повезли?» - «Вылезай». Он был свободен! И как говорил нелюбимый мною Чехов, выдал из себя раба.

В начале девяностых, бросив семью, я жил Закамой с ним. У нас было много сердечных бесед обо всем. Были и

споры насчет коммунизма, в которых я подчас недопустимо отстаивал Ельцинское беспутство.

В 1993 году он запнулся в сарае и упал на бревно, которое так некстати Серьга положил посреди сарая, и которое каждый раз нужно было перелезть. Он долго лежал в больнице, поправился, но не окончательно. 19 сентября 1994 года моего отца не стало.

Он прожил замечательную жизнь. Он не верил в Бога, но был истинным христианином. Его поступки были благородны, чисты от всякой фальши, а значит, он по своему был счастлив. Вечная ему память!

Мама

Наверное, самое пронзительное, что впечатляет – это начать рассказ о моей маме, когда она вместе с отцом стояла на пригорке и смотрела на оставленную в панике деревню, в которой они так благостно жили, бежав, от «раскулачивания». Это стояние, быть может, определило всю манеру ее поведения в дальнейшей судьбе. Держаться отца, доверять ему, следовать ему, прощать его – ведь только в их единстве может существовать их жизнь, обретая смысл этой жизни. И дальнейшая эта «стратегия» оправдала себя.

Там на пригорке она была беременна Тасей и, конечно же, понимала все тяготы будущей жизни, понимала, что они с отцом отправились в никуда, без особых надежд. Они не знали, примут ли их в Перми, ЗаКамою – их дальние родственники: Иван Лукоянович и «Кока». Они приняли, но понятно, что были обузой. Приходилось всячески умасливать их, не вступая в перепалки, выполняя всё.

Моя мама рано потеряла мать – в один год от роду, и была «отдана» родственникам, с фамилией Трубины - так что, когда они с отцом женились, то ей не нужно было менять фамилию. Дети появлялись с завидной периодичностью – в среднем через три года. После Таси, Витька, потом Райка, потом, о ужас, в страшном 1942-м, Серьга, потом, в ознаменование Великой Победы – я. Я родился «двойнишним», но моя сестра Лиза умерла через три месяца после рождения.

В обеспечении семьи мама играла, быть может, не меньшую роль, чем отец: ведя все хозяйство в обычном деревенском доме, она, кроме того, торговала молоком. Возила его в город через Каму по адресам. Жестокие по отношению к ней, мы смеялись над её «ябедником», так прозвал его Витька, где были всяко, всяко вписаны, перечеркнуты, подчеркнуты имена покупателей - они также были людьми чаще всего бедными, неспособными заплатить сразу. Мы часто слушали рассказы об этих людях, среди них была Мария Александровна, врач ближайшей поликлиники, которая впоследствии взяла шефство над мамой – здоровье ее по мере условий жизни стало все более и более ухудшаться.

Это была гипертония – болезнь, которую можно сравнить с ржавой селедкой, сильно соленой, противной, злой, но которую приходилось есть. Эта болезнь, которая затем именовалась артериальной гипертензией, - тогда только, только она стала выдвигаться в число самых смертельных. Лекарств от нее почти не было – помню резерпин и магнезию – если уж слишком прижмет. Аппарат был только у врача и, это было событие – померять артериальное давление. Поэтому мамина гипертония стремительно прогрессировала!

Болезнь не являлась причиной, чтобы не работать – работать натужено с утра до позднего вечера. Мы, дети, по какой-то странной причине не были сильно загружены. Конечно, за каждым из нас были закреплены некие обязанности – вымести пол, выстоять очередь за хлебом, принести дрова. Но это все было несравнимо с тем напряжением, в котором была мама. Я помню, передразнивал ее: «Спят, спят до десяти часов утра, встанут и постель убрать неохота». Сейчас, когда ее нет, это приводит меня в большое уныние – мы не умели боготворить маму, нас никто этому не научил!

Воспитание наше было просто примером их поведения – у нас много было свободного времени, чтобы «бегать». Наверное, это было лучшее воспитание.

Мы очень рано были свободны в своих решения – быть может, позднее это сыграло с нами и хорошую, и плохую шутку. Я помню первое мое сознательное решение, выходящее за рамки привычных действий, - меня, неопытного туриста, взяли в сложный горный поход на Памир, да еще с чехословаками, это-то в 1968 -м, в августе! Я помню на возражения отца, мама сказала: «Это, наверное, ему нужно» - и они отпустили меня!

Поразительно, но при неукоснительном главенстве отца – решение матери всегда оказывалось определяющим. Что ж, потом я это понял, настоящая женщина всегда сможет найти аргумент в свою пользу. Быть может исходя из её предназначения, как кладези мудрости!

Неожиданным ее желанием было посмотреть портрет Анны Карениной. Она считала, что он есть в художественной галерее. Мы смеялись над ней. Сейчас, часто вспоминая это желание, я задумываюсь, чтобы это значило. Каким

образом эта сугубо крестьянская женщина могла забраться мыслями так высоко и что, в этой самой Анне Карениной для неё было значимо! А может быть, в противовес этому есть совершенно бурый снобизм, когда чувствующие музыку индивиды, вникая в ее гармонию, структуру, закатывают глаза, - иногда у них на глазах появляются слезы. Наверно, наверно – такое понимание много значит! Но кроме структуры у любого произведения есть содержание. Правда, в современных произведениях его а priori – нет! Так вот, восприятие этого содержания зависит от тех образов, которые возникают, а вот они-то и зависят от глубины жизненного опыта. И вот здесь, малограмотный, впервые столкнувшийся с шедевром живописи или музыки, или литературы, испытывает такие ассоциации, его не покидают такие образы, и никакой гурман их испытать не может.

Мама неведомо была хранительностью той словесной уральской культуры, по Мамину-Сибиряку, которая еще хранилась в деревнях, и которая была отринута индустриальным бесчестием. «Уросно, так неуедно», «Лани», «Блазнит», «Лопотина», «Вокурат», «Катанки» - к сожалению многое уже и не запомнилось.

Тасе мама завещала меня – это было странно.

Она так же, как и отец, сокрушалась от тех многочисленных разводов Витьки и Серьги, но понимала бессмысленность всяческих советов по этому поводу. Мы попирали все своей глупой самодосточностью. Наши неудачи были поводом для ухудшения ее здоровья, а её кончина была связана с разборками Лидки, жены Серьги, с ним.

Братья и сестры

«Старший умный был детина, средний был не так, не сyak, младший был совсем дурак». Даже если мои братья не знали эту сакраментальную пословицу, с которой начиналось огромное количество сказок, тем не менее, она являлась основой в наших взаимоотношениях.

Витька, по праву старшего, был непоколебимым авторитетом, генератором идей, носителем максимального, относительно нас интеллекта. И это было на самом деле так. Он явился зачинателем всяческого творчества, а все знают, что творчество некая посылка Бога для всякого человека, некий портал для общения с ним. Он первый занялся фотографией, классической музыкой, изготовлением всяческих устройств, в том числе и электронных. Он первый выиграл этап на эстафете Звезда, детально описывая все перипетии соперничества, вызывая у меня страшную зависть. Он первый пошел в поход на Чусовую, пройдя ее за 18 дней, смакуя каждый день этого похода.

Благодаря своему творческому потенциалу он, в отличие от нас «дослужился» до самой высокой относительно нас должности – зам. главного металлурга знакового в городе предприятия. Он, уже Виктор Фёдорович, был лучшим пропагандистом города, свой статус высокого коммуниста он сохранилась вплоть до нелепой гибели. Время его гибели символически совпало с окончанием эпохи «развитого» социализма...

Но с его достижениями, совершенно естественно, следовала его некая снисходительность относительно нас братьев. Понимая назначенный нам удел, заданный овеществленной сказкой, мы естественно сопротивлялись, пытаясь его разрушить.

Серьга, самый трудолюбивый в отца брат, был для меня как-то незаметен – я всячески пытаюсь вспомнить его новации. И кроме фантастического упорства занятиями игрой на скрипке, я больше ничего не помню. Можно бы считать, что этого вполне достаточно для моего восхищения, но скрипка была плохая, и учиться же надо было - его этого восхищения не было. Я помню, Райка позвала свою университетскую подругу послушать игру Серьги и та была поражена, как может звучать скрипка...Серьга первый из нас начал дьявольскую свистопляску с многочисленными женами.

Анализируя, в этом аспекте прошлые годы, я думаю, что нам просто не хватало воспитания в этом: жениться после длительной проверки отношений, привлечение родителей, исполнение, в конце концов, обряда. И это было неким проклятием на нашей семье – первая этот «спонтанный» брак заключила Тася. Потом без объявления это сделал Витька, затем Серьга. Скорее всего, неудачи, которые постигали моих братьев, характеризовались некой «неразборчивостью», поспешностью, скрытностью от родителей. Но, как легко судить других. «Как просто мыслить себя стратегом, наблюдая бой издалека»!

Серьга, впоследствии тоже, Сергей Фёдорович, стал классным конструктором, по-моему, даже лучшим в отрасли. Он с точностью повторил принцип: «Вырастить сына, построить дом, посадить дерево».

Я, конечно же, соответствовал той иерархии, заданной сказкой. Учился я хорошо, но при поступлении в университет, провалил вступительный, занимался черт знает, чем, но как только для этого занятия требовалось приложения каких-то усилий, я снижал, затаив некое честолобное чувство, что я в курсе этого занятия. Так совершенно без-

успешно, в отличие от Серьги, пытался научиться игре на мандолине. Но кроме снобистского достижения: серенады Шуберта и темы из шестой симфонии Чайковского, я толком ничего не мог. Я в первоначале просто плохо относился к спорту, считая его неким грубым антиподом интеллекту, который за собой признавал. Мои фотографии были неинтересны, мой усилитель низкой частоты, который я собрал, заработал, потом ударил меня током... и я забросил его.

Но быть может моя никчемность – это некое задание. Мне нельзя было отказать в самостоятельности. В шесть лет я сам записался в библиотеку, оформив доверенность от родителей; в пять лет, взяв в свои спутники трехлетнего соседа Тольку, сходил на Смолокурку и принес грибов. Следствием этой самостоятельности было постыдное воровство денег у родителей, а потом осмысление, и категорический отказ от этого. Впоследствии, благодаря этому свойству охватывать проблему в целом, помогли мне в работе и в моих спортивных увлечениях.

Наши роли в сказке, заданность и противоречивость, сыграла с нами злую шутку – мы мало общались друг с другом. И это отчуждение, в отличие от наших сестер, преследовало нас всю жизнь. Мы, как-бы, демонстрировали незаинтересованность друг в друге, нашу дурацкую самодостаточность.

Сестры Тася и Райка по-другому участвовали в этой сказке – они не меняли своих мужей, так как мы, братья.

Тася была нашей второй матерью, - слишком сильно отличался ее возраст от нашего, слишком рано она «выскочила» замуж. Ее ответственность относительно нас довлела над нами, но мы, конечно же, были рады этому. Она по полной испытала все невзгоды тридцатых, войны,

послевоенных лет. Вспоминается ее рассказ, когда в годы войны она увидела мужика, который ел хлеб. «Он увидел, что я вырву у него этот хлеб... и спрятал его». Четырнадцать лет она поступила на работу в ГорТоп, и стала получать какие-то деньги. Она описывает ужасы четырнадцатилетней девочки, когда ее направили в командировку в Горнозаводск. «Я вышла – было темно, страшно холодно, непонятно куда идти. Меня сковывал страх!».

Вскоре Тася познакомилась с Антоном – героем войны, добровольцем ушедшим на фронт, - весь пробитым пулями, с осколками от мины в голове, которые на всю жизнь отравили его существование. Мать была против их брака – связать свою жизнь с инвалидом, но Тася влюбилась в Антона и вышла за него «убёгом». Антон, благородство которого было в его сущности, принял позицию number to в их взаимоотношениях. Не всегда гладких, но всегда существовал базис, который явился основой для долгой совместной жизни. Антон спас Тасю, провалившуюся в полыню, вытащив ее, уже скрывшуюся под водой, за воротник пальто! Тася, конечно, излишне его опекала, лишая, подчас, его самостоятельности. Антон был весельчак, с необыкновенным чувством юмора, играл на мандолине, работал художником, любил артистично декламировать стихи, подчас скабрёзные. Дожил он до глубокой старости, благодаря, конечно, Тасе.

Тася, сменив работу, стала работать в Облоно, в котором проработала всю жизнь, начиная от рядового оператора до Зам. начальника. Подпись ее в финансовых документах, как гарантию достоверности, знали даже в Москве!

Тася вместе со всеми пережила многие несчастья, которые постигали нашу семью. На ее руках умерла моя «двойничная» сестра Лиза, с тревогой следила за тем, как

устроится случай с КЗ у отца. Болезнь, болезнь. Никто в нашей семье её не избе́г!

Райка общалась с нами со всеми и была для нас неким скрепом. Она первая, кто «официально» вышла замуж за Юру. Она первая стала строить квартиру, она первая на одном месте последовательно шла по карьерной лестнице от простого экономиста до начальника отдела. Наверное, она самая ехидная из всех нас. Но это ехидство не помню, чтобы было злым. Хотя помню письмо, которое мы сочиняли в адрес ее поклонника Генки, служившего в армии. «Служи Гено, - родина тебя не забудет».

Райка испытала больше всех несчастий, пришедших на ее голову: ранняя смерть от сердечного приступа Юры; свалившийся с магазина «Детский Мир» кирпичный столбик, навсегда сделавшего ее инвалидом; тяжелая, на грани смерти, болезнь от корона вируса. Но, быть может, она была мне всего ближе – она также, как я любила пофилософствовать, много читала, много слушала музыку.

Казалось бы, что мы, братья и сестры, должны быть сплочены, но это было не так. Какая в том причина понять трудно. Быть может, мы из кожи лезли в поисках своей самодостаточности, ревнуя друг друга к ней, обособливаясь своим созданным миром. Со смертью отца, который конечно же, нас объединял, такое разъединение еще более усугубилось!

*Отцов не любят. Сын всегда суров,
Когда, как ТЫ, покинув отчий кров,
От старца твердой поступью уйдет.*

Р. Рильке. Часослов

*Далекого царя не избежав наград,
Кто добр, а кто разлуке рад.*

*В своих твореньях, как ни бился
Добиться сходства он не мог
Детьми его утешил Бог,
И в них он сходства не добился*

Р. Бёрнс

Дети и внуки

Решительно отвергая скабрёзный контекст эпиграммы, часто думаешь: «Нужно ли это самое сходство, желая, чтобы они, дети, не сделали тех ошибок, которые выпали на твою долю». Увы сказка о Семь Я продолжается! Как-то отец, забывшись, откровенно сказал: «Не надо было так рано жениться». Я сразу представил свое наличие в этом мире. Но эта фраза пролегла через всю нашу семью, и более того, ее «охотно» прихватили наши дети... и, быть может внуки. Жизнь каждого из братьев, исключая конечно же сестёр, которые исполняли другую роль в этой сказке – это череда поисков идеальной жены. У каждого, кроме меня, их было по три! Я иногда, в шутку, в шутку говорил о некой идеальной матрице: три брата – три жены. Но, я как некая дислокация, задержался на двух.

Но дело в том, что причина этих поисков была не в них, не в женах, а в нас, которые с легкостью меняли своих спутниц. Как-то мой друг Слава Селиванов воскликнул: «Что же вы это делаете, безбожники!». И безбожники потому, что все эти эксперименты безусловно негативно отражались на наших детях. И в первую очередь на брошенных сыновьях: на их характере, на их физиологии. Этот чёртов Эдипов комплекс. Отбрасывая физиологию, которая подчас ужасна, по большому счету, это опора на мать, неизбежно берущая на себя все заботы о ребенке, неизбежно давая женский тип воспитания.

Что получилось, то получилось. Часто думаешь, как и многие, о судьбе, которая постигла наших детей. И уже, конечно, делаешь выводы. И первое - это получение ими адекватного образования. У евреев это основа воспитания – без образования ты будешь никем. Научить трудиться, получая это образование. Эта банальная истина, тем не менее, коснулась моих детей с обратным знаком – они учились «чему-ни будь и как ни будь». Итог – весьма среднее положение в обществе.

На тусовках по телеку какой-нибудь записной интеллектual рассуждает: «Понять наших детей невозможно – они совсем другие, и если ты этого не понимаешь, то ты законченный старик». Наверное это так, но наши дети – это продукт эпохи. К ним прилипают все язвы общества, коверкая их характеры, делая их несчастными.

Трудно говорить об их будущем. Ясно только одно - в той свистопляске, которую диктуют экология, «международные отношения», несоответствие духовного содержания личности развитию технического процесса сулят им, быть может, большие трудности, относительно нас.

Послесловие

Это, подчас бессвязное, повествование о моей судьбе, быть может имело одну цель. Я мало представляю, чтобы кто-то с интересом прочитал его, но для меня оно явилось неким освобождением, некой исповедью. Без-

условно, я не отразил многого, подчас нелепого, подчас ужасного - у каждого человека «есть свой скелет в шкафу» - то, что заставляет до сих пор мучиться от «ночных глубинных рек».

Список Н. Трубина

Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»

Р.М. Рильке. «Часослов»

Д.Д. Шостакович. «Фортепианный квинтет»

К. Моне. «Восход солнца. Впечатление»

А. Г. Козинцев. Фильм «Гамлет»

Д. Пуччини, М. Каллас. Ария мадам Баттерфляй

